

Общественный центр

**«Судебно-правовая
реформа»**

Mennonite

Central

Committee

***ВЕСТНИК
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ
ЮСТИЦИИ***

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ УГОЛОВНОЙ И ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

ВЫПУСК 1

МОСКВА, 2000

Содержание¹

К читателям	3
Введение в восстановительное правосудие *	4
Развитие общественных инициатив в сфере уголовной юстиции.	14
Проект «право на детство»	21
Программы восстановительного правосудия и социальная работа: возможности взаимодействия в ювенальной юстиции	27
Похитители дверей	37
Информация о службе пробации в чешской республике	40
Опыт Центра СПР по включению процедур примирения в уголовное правосудие (комментарий к алгоритму)	48
Юридический алгоритм осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних	58
Авторы номера	64

¹ В связи с тем, что журнал конвертировался из другого формата, возможны некоторые редакционные несостыковки. В частности, отсутствуют рисунки к статье М. Флямера.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Этот выпуск *Вестника восстановительной юстиции* первый. После нескольких лет работы мы, сотрудники Общественного центра «Судебно-правовая реформа» (СПР), подошли к качественно новой ситуации, которая и привела к необходимости выпуска журнала: в России складывается сообщество людей, ставящее себе целью задействование гуманитарных способов разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Группы, которыми составляется это сообщество, работают не только в Москве — они начали действовать в Иркутске, Тюмени, Дзержинске. В ближайшей перспективе завершится организация подобных групп в Новороссийске, Новгороде, Арзамасе. Однако сообщество должно укрепляться не только численностью, но и осознанностью, согласием в понимании своей миссии, ясностью и убедительной силой своих содержательных оснований, конкретностью планов и действий.

Изменения в одной из наиболее проблемных областей деятельности государственных и административных инстанций — в сфере работы с отклоняющимся и преступным поведением — назрели в России давно. И сегодня все больше граждан, все больше специалистов системы уголовного правосудия и политиков понимают, что не только рост, но и сохранение численности тюремного населения в России на нынешнем уровне (Россия занимает по этому показателю одно из первых мест в мире) чрезмерно затратно и чрезвычайно пагубно. Такое понимание создает предпосылки реформ. А способствовать преобразованиям в уголовной юстиции может лишь такое сообщество, которое способно не только критиковать, но создавать реальные прецеденты и способы восстановительной работы с криминальными и конфликтными ситуациями и в конечном счете привести к крупным институциональным изменениям.

Значение восстановительной юстиции выходит далеко за рамки судопроизводства. Программы восстановительной юстиции родились из попыток людей найти более человечный путь выхода из конфликтных и криминальных ситуаций и предлагают альтернативу официальному процессу. Но нельзя забывать, что клеймение людей, наказание, словом, карательный подход присущ самым различным институтам и пронизывает многие наши взаимоотношения. Поэтому в последние годы восстановительные процедуры стали применяться и в школах, и в деятельности социальных работников, и при разрешении конфликтов родителей и детей и др. В этом проявляется более общая направленность программ восстановительного посредничества на оздоровление отношений людей, отравленных враждебностью. Восстановительные процедуры в некотором смысле помогают реставрировать социальную ткань, разорванную в результате конфликтных и криминальных ситуаций и, тем самым, имеют широкое социокультурное значение для жизни россиян.

На наш взгляд, сегодня «Вестник» уже нужен. Он сделает нарождающееся сообщество реальным, поскольку позволит познакомить его участников друг с другом, расширит и интенсифицирует распространение опыта и даст возможность вызреть планам и стратегиям реализации восстановительного будущего России.

Из чего мы исходили при определении рубрик «Вестника» и подборе материалов для первого выпуска? В первую очередь — из необходимости сделать «Вестник» полезным для продвижения работы наших партнеров. Всем нам приходится заниматься объяснением в правоохранительных органах и других учреждениях и организациях своей позиции и своих инициатив, подготовкой площадок для реализации программ восстановительного правосудия, конструированием юридических алгоритмов и собственно посредничеством между участниками криминальной ситуации для их примирения. Поэтому для тех, кто начинает такую работу, наш опыт лишним не будет.

В дальнейшем мы надеемся получать материалы для публикации, которые смогут обогатить наш совокупный опыт, и от вас, наших читателей и коллег.

КОРНИ И ОРИЕНТИРЫ

Х.Зер

ВВЕДЕНИЕ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ^{*2}

Я рад присутствовать здесь и принимать участие в этой дискуссии. Как я понимаю, моя задача — рассказать об опыте других стран в области восстановительного правосудия. В связи с этим я испытываю смешанные чувства. Создается впечатление, что американцы ездят по всему миру и считают, что они все знают, что у них самые лучшие идеи. Но, к сожалению, как раз в области правосудия у нас очень мало хороших идей, больше — плохих. Может быть, наблюдая за нами, вы поймете, чего делать не стоит, не будете повторять наши ошибки.

Мы добились больших успехов в наказании. Сейчас мы сажаем в тюрьму больше, чем когда-либо в своей истории. Каждый день в тюрьмах находятся около двух миллионов человек, и еще около четырех миллионов осуждены условно. Обходится нам это очень дорого, мы забираем деньги из сферы здравоохранения и социального обеспечения. Криминолог Нильс Кристи из Норвегии предупреждает, что мы тем самым подрываем демократическое общество. Он говорит, что мы создаем индустрию контроля за преступностью, которую почти невозможно будет остановить. Теперь, когда мы больше не называем вас нашими врагами, ими стали преступники. Те, кто раньше делали оружие, сейчас создают различные технологии наказания. И продают свои технологии по всему миру, как МакДональдс. К счастью, существуют позитивные движения, и не только в Соединенных Штатах, но и в других странах мира. Во многих странах появилось движение, которое стали называть восстановительным правосудием. У восстановительного правосудия очень разные и интересные формы, и у каждой из них можно многому научиться. Интересно, что самые последние и многообещающие разработки появились не на Западе, а в традиционных культурах.

Меня попросили рассказать о том, что происходит в движении восстановительного правосудия. Позвольте начать с четырех положений.

Первое. Большинство наших правовых систем слишком сосредоточены на правонарушителях, но справляются с ними не очень успешно. И ваша и наша страна наказывают тысячи людей. Но последнее исследование, рассмотревшее 23 тысячи случаев наказания, не обнаружило ни одного наказания, которое было бы эффективным в изменении поведения. Нет никаких признаков, говорящих о том, что наказание помогает людям стать лучше. Мы наказываем людей, чтобы привлечь их к ответственности за свои поступки, преступления. Мы определяем наказание как причинение боли: ты причинил вред кому-то, теперь мы причиним вред тебе. Но такое наказание не является истинной ответственностью за содеянное. Настоящая ответственность — это понимание того, как и кому ты нанес ущерб, и возмещение его. Многие правонарушители совершают преступления, находя обоснование в том, что психологи называют стратегией «нейтрализации». У них есть оправдания и стереотипы, мешающие понять человека, которому они причинили вред. Я разговаривал со взломщиками, которые, забираясь в чужой дом, переворачивали фотографии лицом к стене, чтобы не думать о том, кому именно они причиняют вред. Они находят любые извинения и оправдания своим действиям. Что делаем мы? Мы их ловим и передаем системе правосудия, где они предоставлены самим себе. Обязанность адвокатов — помогать правонарушителю заботиться о себе, а не

² * Печатается с некоторыми редакционными уточнениями по: Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 115–126. (Текст представляет собой лекцию, прочитанную в сентябре 1998 г. в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ. — Прим. ред.)

думать о жертве. Один из моих друзей, судья из Новой Зеландии, говорит, что большинство наших систем правосудия построены таким образом, что государство обязано доказывать факт совершения преступления, а дело правонарушителя — заботиться о себе. Затем мы сажаем преступников в тюрьму, они сами становятся жертвами и верят в то, что они жертвы. Но ведь именно система правосудия должна возлагать на них ответственность, т.е. помогать им осознать, что они сделали, и ответить за свои поступки. Мы должны сделать так, чтобы правонарушители были лучше, а не хуже подготовлены к возвращению в общество. К сожалению, наш способ пристыжения правонарушителей усложняет, а не облегчает их возвращение в общество.

Правосудие заставляет людей испытывать чувство стыда за себя. Они стараются избежать его и найти себе оправдания. В тюрьме правонарушители присоединяются к другим пристыженным людям и образуют особую субкультуру, как это называют криминологи. Они переворачивают ценности с ног на голову, и то, что считалось постыдным, в их глазах становится достойным. Я спрашивал заключенного, отбывающего пожизненное наказание в одной из тюрем Соединенных Штатов, что заставляло его испытывать чувство стыда, а что вызывало уважение, когда он был на воле. Он назвал совершенно противоположное тому, что считает общество. Он говорит, что чувствует уважение к себе со стороны друзей, когда в их присутствии с оружием прижимает кого-либо к стене. «Я помню свой первый арест, я проезжал на заднем сиденье полицейской машины через всю свою округу. Я испытывал чувство гордости». Вот что происходит, когда человека стыдят и не дают ему возможности избавиться от этого чувства. Некоторые из вас, вероятно, знают работу Джона Брэйтуэйта, криминолога из Австралии. Он говорит, что стыд может быть позитивным или воссоединяющим, предоставляющим возможность со временем избавиться от этого чувства. Об этом мы сможем поговорить позже.

Второе положение касается жертв. Несмотря на то внимание, которое во всем мире стали уделять жертвам преступлений, мы мало делаем для них. Путешествуя по миру в связи с моей работой, я разговаривал со многими судьями, прокурорами и работниками полиции, и большинство из них крайне мало знают о жертвах. Многие из них не понимают, насколько сильно травмированы жертвы преступлений. Мы редко осознаем, что быть жертвой так называемого незначительного преступления так же тяжело, как и жертвой тяжкого преступления. Жертвы испытывают целую гамму чувств и эмоций, страх, например. Страх увеличивается, когда они вспоминают о случившемся или думают о том, почему преступник совершил это. Страх вызывает ассоциации; к примеру, женщина, подвергшаяся нападению мужчины, начинает бояться всех незнакомых мужчин. Страх часто питает расовые и национальные конфликты. Если преступление совершил представитель той или иной национальности или расовой группы, жертва начинает бояться таких людей. Жертвам свойственно чувствовать свою уязвимость и изолированность, они часто испытывают гнев. Гнев не только в отношении преступника, но также к полиции и суду. Они злятся и на себя, так как часто обвиняют в случившемся именно себя. Гнев распространяется на друзей и близких, так как те не оказывают им необходимой поддержки. Близкие убеждают их простить и забыть или говорят, что не так уж все страшно. Они говорят: «Тебе не стоит так злиться, ты мне это уже рассказывал». Верующие часто злятся на Бога. Как Бог мог допустить, чтобы такое случилось? У жертв много вопросов. Почему преступники ворвались в мой дом? Как они узнали, что меня нет? Вернутся ли они опять? Он направил на меня пистолет и сказал, что мне делать, я сделал это, почему он выстрелил в меня? Есть и другие проявления состояния жертвы, о которых мы можем поговорить, если хотите: сны, воспоминания, чувство вины.

Я иногда говорю, что жертвы проходят через три кризиса, три цикла, накладывающихся друг на друга. Существует кризис личности: что я за человек? хозяин ли я своей жизни? в состоянии ли я любить, если я так зол? Есть кризис взаимо-

отношений: кому я могу доверять, могу ли я доверять своим друзьям, могу ли я доверять своим соседям, могу ли я доверять Я рад присутствовать здесь и принимать участие в этой дискуссии. Как я понимаю, моя задача — рассказать об опыте других стран в области восстановительного правосудия. В связи с этим я испытываю смешанные чувства. Создается впечатление, что американцы ездят по всему миру и считают, что они все знают, что у них самые лучшие идеи. Но, к сожалению, как раз в области правосудия у нас очень мало хороших идей, больше — плохих. Может быть, наблюдая за нами, вы поймете, чего делать не стоит, не будете повторять наши ошибки.

Мы добились больших успехов в наказании. Сейчас мы сажаем в тюрьму больше, чем когда-либо в своей истории. Каждый день в тюрьмах находятся около двух миллионов человек, и еще около четырех миллионов осуждены условно. Обходится нам это очень дорого, мы забираем деньги из сферы здравоохранения и социального обеспечения. Криминолог Нильс Кристи из Норвегии предупреждает, что мы тем самым подрываем демократическое общество. Он говорит, что мы создаем индустрию контроля за преступностью, которую почти невозможно будет остановить. Теперь, когда мы больше не называем вас нашими врагами, ими стали преступники. Те, кто раньше делали оружие, сейчас создают различные технологии наказания. И продают свои технологии по всему миру, как МакДональдс. К счастью, существуют позитивные движения, и не только в Соединенных Штатах, но и в других странах мира. Во многих странах появилось движение, которое стали называть восстановительным правосудием. У восстановительного правосудия очень разные и интересные формы, и у каждой из них можно многому научиться. Интересно, что самые последние и многообещающие разработки появились не на Западе, а в традиционных культурах.

Меня попросили рассказать о том, что происходит в движении восстановительного правосудия. Позвольте начать с четырех положений.

Первое. Большинство наших правовых систем слишком сосредоточены на правонарушителях, но справляются с ними не очень успешно. И ваша и наша страна наказывают тысячи людей. Но последнее исследование, рассмотревшее 23 тысячи случаев наказания, не обнаружило ни одного наказания, которое было бы эффективным в изменении поведения. Нет никаких признаков, говорящих о том, что наказание помогает людям стать лучше. Мы наказываем людей, чтобы привлечь их к ответственности за свои поступки, преступления. Мы определяем наказание как причинение боли: ты причинил вред кому-то, теперь мы причиним вред тебе. Но такое наказание не является истинной ответственностью за содеянное. Настоящая ответственность — это понимание того, как и кому ты нанес ущерб, и возмещение его. Многие правонарушители совершают преступления, находя обоснование в том, что психологи называют стратегией «нейтрализации». У них есть оправдания и стереотипы, мешающие понять человека, которому они причинили вред. Я разговаривал со взломщиками, которые, забираясь в чужой дом, переворачивали фотографии лицом к стене, чтобы не думать о том, кому именно они причиняют вред. Они находят любые извинения и оправдания своим действиям. Что делаем мы? Мы их ловим и передаем системе правосудия, где они предоставлены самим себе. Обязанность адвокатов — помогать правонарушителю заботиться о себе, а не думать о жертве. Один из моих друзей, судья из Новой Зеландии, говорит, что большинство наших систем правосудия построены таким образом, что государство обязано доказывать факт совершения преступления, а дело правонарушителя — заботиться о себе. Затем мы сажаем преступников в тюрьму, они сами становятся жертвами и верят в то, что они жертвы. Но ведь именно система правосудия должна возлагать на них ответственность, т.е. помогать им осознать, что они сделали, и ответить за свои поступки. Мы должны сделать так, чтобы правонарушители были лучше, а не хуже подготовлены к возвращению в общество. К сожалению, наш способ пристыжения правонарушителей усложняет, а не облегчает их возвращение в общество.

Правосудие заставляет людей испытывать чувство стыда за себя. Они стараются избежать его и найти себе оправдания. В тюрьме правонарушители присоединяются к другим пристыженным людям и образуют особую субкультуру, как это называют криминологи. Они переворачивают ценности с ног на голову, и то, что считалось постыдным, в их глазах становится достойным. Я спрашивал заключенного, отбывающего пожизненное наказание в одной из тюрем Соединенных Штатов, что заставляло его испытывать чувство стыда, а что вызывало уважение, когда он был на воле. Он назвал совершенно противоположное тому, что считает общество. Он говорит, что чувствует уважение к себе со стороны друзей, когда в их присутствии с оружием прижимает кого-либо к стене. «Я помню свой первый арест, я проезжал на заднем сиденье полицейской машины через всю свою округу. Я испытывал чувство гордости». Вот что происходит, когда человека стыдят и не дают ему возможности избавиться от этого чувства. Некоторые из вас, вероятно, знают работу Джона Брэйтуэйта, криминолога из Австралии. Он говорит, что стыд может быть позитивным или воссоединяющим, предоставляющим возможность со временем избавиться от этого чувства. Об этом мы сможем поговорить позже.

Второе положение касается жертв. Несмотря на то внимание, которое во всем мире стали уделять жертвам преступлений, мы мало делаем для них. Путешествуя по миру в связи с моей работой, я разговаривал со многими судьями, прокурорами и работниками полиции, и большинство из них крайне мало знают о жертвах. Многие из них не понимают, насколько сильно травмированы жертвы преступлений. Мы редко осознаем, что быть жертвой так называемого незначительного преступления так же тяжело, как и жертвой тяжкого преступления. Жертвы испытывают целую гамму чувств и эмоций, страх, например. Страх увеличивается, когда они вспоминают о случившемся или думают о том, почему преступник совершил это. Страх вызывает ассоциации; к примеру, женщина, подвергшаяся нападению мужчины, начинает бояться всех незнакомых мужчин. Страх часто питает расовые и национальные конфликты. Если преступление совершил представитель той или иной национальности или расовой группы, жертва начинает бояться таких людей. Жертвам свойственно чувствовать свою уязвимость и изолированность, они часто испытывают гнев. Гнев не только в отношении преступника, но также к полиции и суду. Они злятся и на себя, так как часто обвиняют в случившемся именно себя. Гнев распространяется на друзей и близких, так как те не оказывают им необходимой поддержки. Близкие убеждают их простить и забыть или говорят, что не так уж все страшно. Они говорят: «Тебе не стоит так злиться, ты мне это уже рассказывал». Верующие часто злятся на Бога. Как Бог мог допустить, чтобы такое случилось? У жертв много вопросов. Почему преступники ворвались в мой дом? Как они узнали, что меня нет? Вернутся ли они опять? Он направил на меня пистолет и сказал, что мне делать, я сделал это, почему он выстрелил в меня? Есть и другие проявления состояния жертвы, о которых мы можем поговорить, если хотите: сны, воспоминания, чувство вины.

Я иногда говорю, что жертвы проходят через три кризиса, три цикла, накладывающихся друг на друга. Существует кризис личности: что я за человек? хозяин ли я своей жизни? в состоянии ли я любить, если я так зол? Есть кризис взаимоотношений: кому я могу доверять, могу ли я доверять своим друзьям, могу ли я доверять своим соседям, могу ли я доверять своему партнеру в жизни? В Северной Америке очень высок уровень разводов в семьях, потерявших ребенка в результате убийства. В такой ситуации взаимоотношения подорваны. И третий — это кризис понимания: что это за мир, в котором мы живем? Состояние жертвы характеризуется очень глубокими переживаниями.

Я считаю, что у жертв преступлений есть потребности, которые должны быть удовлетворены системой правосудия. Это поможет им в процессе исцеления. К сожалению, наша система — и, подозреваю, ваша тоже — не в состоянии этого сделать.

Фактически, пострадавший становится жертвой дважды: первый раз от рук преступника, второй — в ходе судопроизводства. Как сказал один из специалистов по проблемам жертв преступлений в Соединенных Штатах, если вы хотите создать систему по производству жертв преступлений, лучшую чем суд вам не придумать.

Я бы хотел определить пять потребностей жертв.

Одной из них является чувство безопасности, защищенности. Пострадавшие хотят знать, какие шаги будут предприняты, чтобы преступление не повторилось. Это еще и эмоциональная защищенность, когда жертвы могут излить свое горе и гнев и рассказать о своих потребностях.

Вторая потребность жертв во всем мире, удовлетворения которой они ждут от правосудия, — это возмещение ущерба, компенсация потерь. Часто они понимают, что потери невозможны, но иногда важна символическая компенсация, сознание того, что кто-то взял на себя ответственность, возместив ущерб.

Третья потребность жертвы — и исследования в ряде стран ставят ее на первое место — состоит в необходимости получить ответы на вопросы о том, что же произошло на самом деле. Жертвы хотят знать, почему был выбран именно их дом, имеет ли преступник что-то против них лично. Я знаю человека, в которого выстрелили при вооруженном ограблении, несмотря на то, что он сделал все, что ему велели. В течение 12 лет он оставался инвалидом, и ему нужен был ответ на вопрос, почему в него выстрелили.

Четвертая потребность жертвы — рассказать о случившемся, излить свои чувства. В этом состоит суть работы Комиссии по примирению в Южной Африке, которая предоставляет жертвам возможность рассказать свою версию преступления. Рассказывая об этом, человек преодолевает случившееся.

Пятая потребность состоит в необходимости вернуть власть над собственной жизнью. Совершив преступление, правонарушитель отнял у пострадавшего эту власть. Он забрал эту власть физически, ворвавшись в его дом или взяв его в заложники. Он забрал эту власть эмоционально, когда пострадавший настолько зол, что не может справиться с собой, не может контролировать себя. Жертве нужно вернуть эту власть, хотя бы символически.

Но, как правило, пострадавшие не получают ничего из перечисленного, потому что в большинстве наших правовых систем для пострадавшего места нет; считается, что преступление совершается против государства, а не против жертвы. Однажды я проводил семинар по виктимизации, и в конце встала одна очень сердитая женщина. Она сказала: «Я была жертвой дважды. Один раз — ограбили мой дом, второй раз — на меня напали. В обоих случаях правонарушителей судили, но меня даже не поставили в известность. Я сама прокурор, и мои сотрудники не сочли нужным сообщить мне о состоянии моего дела». Это показатель того, насколько существующая правовая система игнорирует жертву.

Еще два коротких положения. Большинство судебных процессов осуществляется во имя малых сообществ. Мы заявляем, что делаем это для малых сообществ. Но на самом деле они не имеют к этому никакого отношения. Один из моих друзей — судья из провинции Юкон в Канаде — говорит, что причиной того, что местные сообщества во всем мире так слабы в том, что система правосудия отбирает у них решение собственных проблем. Он говорит, что община крепнет, если сама решает свои проблемы. Когда государство берет их решение на себя, оно тем самым разрушает малые сообщества.

Следующее положение таково: чем больше мы меняем вещи, как говорят французы, тем больше они кажутся неизменными. На мой взгляд, проблема состоит в том, через какую призму, или парадигму, смотреть на правосудие. Большинство систем правосудия в мире построены в соответствии с карательной парадигмой, я называю это «карательным правосудием». Карательное правосудие утверждает, что преступление со-

вершается не против жертвы, а против государства. Неважно, что был нанесен вред, важно, что нарушен закон. Цель карательного правосудия — установить вину. Когда вина установлена, необходимой реакцией на правонарушение является причинение боли. Ты навредил нам, теперь мы навредим тебе.

Не думаю, что так понимали преступление наши предки. Большинство из них считали, что если вы нанесли кому-либо ущерб, суть в том, что вы причинили вред. А если вы нанесли кому-то вред, у вас появились обязательства, обязательства исправить то, что вы сделали. Большинство традиционных способов отправления правосудия состоят в обсуждении — для того, чтобы человек осознал содеянное и взял на себя ответственность. Именно это старается сделать движение восстановительного правосудия в условиях современного судопроизводства.

Упрощенно говоря, у восстановительного правосудия два основных принципа. Первый относится к причиненному ущербу. Реализация этого принципа предполагает два плана. Первый касается жертвы и означает, что жертва и ее потребности должны находиться в центре правосудия, поскольку ущерб нанесен именно ей. И второе: правонарушитель должен понести ответственность с учетом причиненного ущерба. Правонарушителя следует поощрять к осознанию своей вины и ответственности за возмещение ущерба.

Второй основной принцип восстановительного правосудия — принцип участия. Его суть в том, что у жертвы, правонарушителя и сообщества должны быть свои роли в этом процессе. Государство не должно стоять наверху, осуществляя правосудие по отношению к правонарушителю, находящемуся внизу, вынуждая его защищаться. Государство скорее должно участвовать наряду с жертвой, правонарушителем и, если возможно, местным сообществом.

А теперь хватит теории. Позвольте мне рассказать, как эти принципы осуществляются на практике. Существует много различных форм и экспериментов с восстановительным правосудием в разных странах мира. Одна из форм, распространенная в Соединенных Штатах, в странах Европы (к примеру в Германии и Финляндии) называется примирением между жертвой и правонарушителем. Благодаря сотрудничеству с официальными органами специально подготовленным посредником проводится встреча жертвы и правонарушителя, чтобы поговорить о случившемся и выработать соглашение. Формы, пришедшие из Новой Зеландии и других мест, расширяют круг участников таких встреч. Одни формы созданы для работы с мелкими преступлениями, другие — с тяжкими преступлениями, такими как убийство. Есть формы, которые работают со всеми преступлениями, в Новой Зеландии, например. Некоторые из них созданы в качестве альтернативы тюремному заключению. Часто программы восстановительного правосудия никак не влияют на правовой статус правонарушителя, но помогают ему и его жертве исцелиться.

Позвольте мне рассказать о двух моделях восстановительного правосудия. Первая модель — примирение жертвы и правонарушителя. На программу примирения дело может быть направлено полицией, прокурором или судьей. Решив, что дело подходит, его направляют на программу примирения, которая может осуществляться неправительственной организацией или службой пробации. Специально обученный посредник, нейтральное лицо, не представляющее ни интересов жертвы, ни правонарушителя, сначала встречается по отдельности с жертвой и преступником, выслушивает их версии случившегося, отвечает на вопросы и выясняет, хотят ли они продолжить этот процесс. Если обе стороны соглашаются, посредник организует их встречу. Жертва выслушивает рассказ своего обидчика и может задать ему любые вопросы. Жертва высказывает все свои чувства. Правонарушитель их выслушивает. Такая встреча — это возможность рассказать о случившемся, выразить чувства и получить ответы на все вопросы. Затем участники составляют письменный контракт о возмещении ущерба. Это могут быть деньги, какая-нибудь работа или что-то еще. Контракт направляется органу, прислав-

шему делу на примирение, и если дело пришло из суда, этот документ становится частью приговора. Если дело поступило из полиции или от прокурора, дело будет закрыто после успешного выполнения контракта.

По этой программе были проведены серьезные исследования в разных странах. Мы обнаружили, что, если жертва и правонарушитель согласились на встречу, почти всегда, в 90% случаев, соглашение будет достигнуто. Исследования показали, что выполняются от 80% до 90% контрактов. Жертвы получают гораздо большее удовлетворение, испытывают меньше страха, и гораздо меньше вероятность того, что правонарушители повторно совершат преступление.

А теперь вкратце о новозеландской модели. Эта модель появилась в Австралии и Новой Зеландии и называется «семейная конференция». Она возникла и применялась на практике до появления современной правовой системы. В 1980-х годах в Новой Зеландии был кризис системы правосудия для несовершеннолетних, никто не верил в эту систему. Представители коренного населения Новой Зеландии, Маори, которое составляет 15% населения, говорят, что современная система правосудия чужда им. В 1989 году вся ювенальная система правосудия в Новой Зеландии была изменена. Сейчас очень незначительное количество дел поступает в суд. Судьи говорят, что раньше они каждый день проводили в зале заседаний, теперь они проводят там полдня в неделю, так как вместо того, чтобы поступать на рассмотрение суда, эти дела отправляют на семейные конференции. Конференцию проводит социальный работник. Там присутствуют не только жертва и правонарушитель, но и члены семьи правонарушителя. В Конференции также принимает участие адвокат правонарушителя и сотрудник полиции. В Новой Зеландии полиция выполняет роль обвинения. Участники этой конференции делают то же, что и на программе примирения: говорят о том, что случилось, что они чувствуют и получают ответы на свои вопросы. Затем правонарушитель со своей семьей выходят из комнаты, вместе они решают, что нужно сделать, и возвращаются со своим предложением. По возвращении вся группа обсуждает принятое решение; речь идет не только о возмещении ущерба, но и о том, пойдет ли правонарушитель в тюрьму или будет принимать участие в какой-либо реабилитационной программе, и другие вопросы. Самое удивительное, что все присутствующие в комнате должны согласиться с этими предложениями: и жертва, и правонарушитель, и его семья, и его адвокат, и офицер полиции. Эти конференции так хорошо работают, что судьи в Новой Зеландии предлагают применять эту систему и в отношении взрослых правонарушителей.

Разрешите мне еще рассказать одну историю, и я закончу, а вы зададите мне вопросы.

Несколько лет назад в округе, где жил мой друг, перед одним из домов взорвалась бомба. Бомба была очень опасной, женщина только что унесла ребенка от окна, а мужчина закрывал входную дверь, когда услышал какой-то шум, и осколки бомбы посыпались на эту дверь. Мужчина был директором школы. Двое молодых людей из этой школы были арестованы. Все в округе были очень напуганы. Я рассказал эту историю в одном американском городе, офицер полиции сказал, что у них произошел похожий случай. Бомба разорвалась во дворе дома декана университета, и его семья была настолько потрясена, что он оставил работу, и они переехали из этого района. В отличие от этого случая, те двое молодых людей признали свою вину, после чего судья направил их на программу примирения. На этой встрече была вся семья пострадавшего, правонарушители и их семьи, там было два представителя правления школы. Выяснилось, что это была месть двух молодых людей за роспуск школьной футбольной команды. Они не понимали, насколько это было серьезно. Женщина рассказала о том, как она чуть не потеряла свою семью. Один из представителей правления школы в прошлом был военным специалистом по взрывам и рассказал, как опасна была эта бомба. Затем они составили договор, в соответствии с которым молодые люди должны были запла-

тить за поврежденную машину, помочь отремонтировать дом и пройти по всей улице и рассказать, что это они взорвали бомбу и что больше они такого не сделают. В конце концов эти молодые люди стали друзьями с директором школы и его семьей и продолжили свое обучение в университете.

Я считаю, что в мире существует две системы правосудия — карательная и восстановительная. Карательное правосудие — это существующая ныне официальная правовая система. У нашей правовой системы есть свои сильные стороны, от которых нам не следует отказываться. Наша правовая система гарантирует соблюдение законных прав. Она помогает установить истину, когда люди ее отрицают. Но она ориентирована на государство, забывая о пострадавшем. Она сосредоточена исключительно на преступнике, но при этом не помогает ему осознать ответственность за содеянное. Часто она только усугубляет раны, нанесенные преступлением местному сообществу.

Существует другая концепция правосудия, называемая «восстановительным правосудием», которая в центр процесса ставит жертву, заставляет правонарушителя взять на себя ответственность за свои поступки и серьезно относиться к ранам, нанесенным местному сообществу. Я считаю, что они обе должны существовать на разных концах шкалы. Правосудие редко может быть всецело восстановительным. Мы не должны терять сильные стороны существующей правовой системы. То, что нам следует делать, — это найти способ двигаться, насколько это возможно, в сторону восстановительного правосудия, осознавая, что оно будет меняться в зависимости от времени и места.

Позвольте мне на этом закончить. Есть ли у вас какие-то вопросы, комментарии, предложения?

В: Скажите, какие вы сами видите недостатки восстановительного правосудия и возможные злоупотребления?

О: Здесь два важных вопроса. Каковы недостатки восстановительного правосудия и как можно злоупотребить восстановительным правосудием? Нас очень волнуют эти два вопроса, особенно второй. Например, организации в защиту жертв преступлений очень озабочены сосредоточенностью системы правосудия на правонарушителе и тем, что в результате жертв будут использовать только для того, чтобы осудить правонарушителя. Т.е. опасность состоит в том, что жертву будут использовать для наказания преступника, а не на пользу пострадавшего. Существует много опасностей такого рода, вызывающих наше беспокойство. Что касается недостатков — очень важно наладить сотрудничество между государством и восстановительной системой. Когда жертва и правонарушитель составляют договор и судья или прокурор подписывает его, это признак того, что все было сделано правильно. Однако, если судья не согласен с тем, чего достигли жертва и преступник, возникает проблема. Я считаю, основным недостатком восстановительного правосудия является то, что оно требует очень много времени. В далеком будущем мы надеемся, что оно решит больше проблем и будет очень эффективным, но пока требует очень много времени. Оно не подходит для всех правонарушителей, некоторые преступники очень опасны. И пока мы не знаем, что делать с преступлениями, в которых нет жертв, например, преступления, связанные с употреблением наркотиков. Вот несколько недостатков, которые сейчас пришли мне в голову. Я думаю, что мы еще учимся.

В: Какова роль восстановительного правосудия в правовой системе: дополняет ее, замещает, подменяет?

О: Я рассматриваю это как поиск сотрудничества между ними. Существует роль государства, которую не следует недооценивать. Я считаю, что у преступления есть общественное и личностное измерение. Наша правовая система сосредоточена на общественном аспекте преступления, считая его преступлением против общества, и игнорирует личностный аспект. Лучшим примером (о котором я здесь не упоминал) такого сотрудничества являются «круги правосудия» у коренного канадского населения в Се-

верной Канаде. Когда судья направляет дело на рассмотрение в общину, он наблюдает за этим процессом, иногда присутствует на нем. Судьи говорят, что у общины появляется ощущение, что она сама решает свои проблемы. Я считаю, что это и значит найти правильный баланс.

В: ...Я считаю, что преступность — это социальная проблема, что вы скажете по этому поводу?

О: Это относится к вопросу о недостатках восстановительного правосудия, которые нас беспокоят. Правовая система во многом превращает социальные проблемы в личностные, в проблему правонарушителя, не занимаясь их причинами. Нас волнует вопрос, а не делаем ли мы то же самое, примиря жертву и правонарушителя? Легче арестовать и наказать преступника, чем взглянуть на проблемы, приведшие к преступлению. Некоторые критики восстановительного правосудия говорят, что вы занимаетесь тем же, чем занимается существующая правовая система. А вот как говорит мой друг, судья из Юкона, о том, зачем нужно привлекать к участию местные сообщества: «Я никогда не присутствовал на такой встрече, где обсуждалось бы только преступление, там всегда говорят о том, что случилось, что привело к преступлению в этом сообществе и что следует делать». Думаю, это очень важный момент.

В: Поиск социальных путей борьбы с преступностью является следствием кризиса или просто недостатком существующей системы? Ее нужно только усовершенствовать, она должна сохраниться?

О: Я еще не знаю. Я мечтаю о мире, в котором будет только восстановительное правосудие. Но сосуществование двух систем правосудия сейчас выглядит более реалистичным. Для таких страшных преступлений как, например, взрыв в Оклахоме, когда погибло много людей, а преступник отрицал свою вину, нам нужен судебный процесс. Нам нужна эта система, но она очень несовершенна. Все в этом процессе было направлено на то, чтобы он отрицал свою вину. Не было сделано никаких попыток помочь ему осознать, какой вред он причинил. В этом процессе было много такого, что еще больше усугубило раны данного сообщества.

В: Когда речь идет о несовершеннолетних преступниках, не перемещается ли ответственность на их родителей, людей, которые, в общем-то, не виновны?

О: На наших программах примирения жертвы и правонарушителя мы очень стараемся дать понять, что ответственность лежит на правонарушителе, а обязанность родителей виновного поддерживать его. В некоторых случаях по контракту молодой человек может выполнять работу. Иногда за него платят родители, и тогда в соответствии с договором он должен будет работать на своих родителей. Существуют также общественные работы.

В: Означает ли это, что система восстановительного правосудия будет эффективно работать при достаточном уровне развития демократии в стране?

О: Я не знаю, некоторые говорят, что мы создаем демократию. Соотношение между карательным и восстановительным правосудием очень интересно в Японии. Исследования говорят, что там действуют две системы. Есть формальная правовая система, которая обвиняет. Уровень обвинительных приговоров там очень высок, почти каждого человека, попадающего в эту систему, признают виновным, или они сами сознаются во всем и признают свою вину. Но они не попадают в тюрьму, и причина в том, что существует вторая неформальная система. Работники системы правосудия хотят, чтобы правонарушитель возместил ущерб, нанесенный жертве, признал свою вину и изменил свое поведение. Если правонарушители это делают, они выходят из формальной системы правосудия.

В: Не могли бы вы перечислить плюсы карательной системы правосудия?

О: Первое преимущество существующей правовой системы в том, что она обеспечивает последовательный процесс, четкие процедуры, предоставляет средства защиты прав тех, кто проходит через этот процесс.

В: Дело в том, что недостаточная защита прав детей и рождает желание применять восстановительное правосудие.

О: В Северной Америке она хорошо защищает права преступников, но не защищает прав жертвы. И так как мы хотим наказать преступника, мы должны защитить его от власти государства. Правовая система также помогает установить истину, узнать, что же случилось, когда человек отрицает свою вину. Она не так хороша, как нам бы этого хотелось, но нам нужна такая система.

В: В решении проблемы преступности, особенно подростковой, очень важна профилактика правонарушений.

О: В этом аспекте очень интересно, как работает полиция Новой Зеландии. Там уверены, что арестовать человека — значит поставить на нем клеймо. Полиция предпочитает предупредительные меры и часто сама выступает в качестве посредника между жертвой и правонарушителем. Вместо того, чтобы отправлять правонарушителя по формальному пути, полицейские приводят его к жертве и договариваются о чем-либо и таким образом предостерегают его. Около 80% правонарушений, совершенных молодыми людьми, даже не доходят до примирительных конференций, потому что ими таким образом занимается полиция. В Веллингтоне, столице Новой Зеландии, ведущие семейных конференций изучают проблемы в местных сообществах. Они стали проводить конференции для обсуждения проблем и тенденций в малых сообществах. Они вместе разрабатывают программы предупреждения преступности для каждой общины. В прошлом году в одном из таких районов, где работает мой друг, подростковую преступность удалось сократить наполовину. Там были проблемы с детскими группировками, а теперь их нет. Единственный вид преступления, который остался в этом районе, — хранение наркотиков. Полиции больше нечего делать, они только ищут наркотики. Я был потрясен. Это показывает, что может сделать профилактика преступности.

В: Как влияет восстановительное правосудие на рецидивную преступность?

О: Исследования показывают, что после участия в восстановительных процессах правонарушители менее склонны совершать повторные преступления. Но некоторые опять совершают преступления, и мы снова принимаем их на программы примирения. Я объясняю это тем, что мы поступаем так не для того, чтобы изменить правонарушителя, а потому, что должен быть заглажен причиненный вред. Мы надеемся, что правонарушитель не станет опять это делать, в противном случае он должен возместить жертве нанесенный им ущерб. В Новой Зеландии были правонарушители, которые несколько раз проходили через конференции восстановительного правосудия, прежде чем стали меняться к лучшему.

В основе восстановительного правосудия лежит теория стыда, о которой мы не говорили. Стыд оказывает очень мощное воздействие, если вы стыдите правонарушителя в присутствии людей, которых он любит и знает. Правонарушитель, как правило, чувствует себя ужасно в присутствии таких людей, но они могут сказать ему что-то хорошее и поддержать его. Джон Брэттуэйт из Австралии, один из ведущих теоретиков в области социальной психологии, показал, что стыд оказывает очень мощное воздействие на поведение человека. Есть два типа стыда. Стыд отрицательный, клеймящий, — это непродуктивный стыд, он накладывает на правонарушителя ярлык плохого человека или озлобляет его. Стыд также может быть позитивным, воссоединяющим. Для того, чтобы стыд был позитивным, воссоединяющим, необходимы два условия. Во-первых, чувство стыда должно возникать в присутствии людей, которые имеют значение для правонарушителя. Во-вторых, должны быть ритуалы, избавляющие человека от этого чувства.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Михаил Флямер

Повышение роли неправительственных организаций всегда связано с тем, что они начинают делать в различных сферах общественной деятельности **то, что раньше не делалось вовсе** либо делалось ведомственными профессионалами, закрытыми от общественного контроля и влияния. В этом смысле формирование общественных инициатив прямо связано с определением социокультурных функций, необходимых для нормального развития страны, и формированием специальных общественных организаций, ориентированных на компетентную реализацию этих функций и, по необходимости, на «перехватывание» их у государства.

Уголовная юстиция — базовый институт, обеспечивающий реагирование на преступное поведение, восстановление справедливости и нормализацию общественных отношений. Сегодняшняя уголовная юстиция России находится в жесточайшем кризисе, поскольку, наследуя традиции советских времен, правоохранительные органы и суд продолжают использовать **избыточные, неразборчивые и, по сути своей, репрессивные методы**³. В результате численность заключенных в России является одной из самых больших в мире (около 700 человек на 100 тыс. населения), причем пополнение тюрем происходит отнюдь не за счет осуждения профессиональных, опасных и рецидивных преступников. Уголовные репрессии оказываются направленными скорее на группы населения, являющиеся жертвами экономической разрухи и отсутствия социальной политики. При этом российское государство берет на себя такие расходы на содержание пенитенциарных учреждений⁴, которые были бы неподъемными и для стран с гораздо более благополучной экономикой и налоговыми сборами.

Такая ситуация сложилась, в частности, потому, что на протяжении 1991–1998 годов, когда в России росла преступность, ни монополярная роль государства в сфере уголовной юстиции, ни тенденция к полному исключению участия общества в судьбе правонарушителей и реакции на правонарушения⁵ не были своевременно выявлены и критически проанализированы.

В идеологии и профессиональном мышлении юристов доминирует **парадигма карательного уголовного правосудия**, в рамках которой ведомства конкурируют за бюджетные средства, раздувают штаты, строят новые места заключения, а о роли общественных организаций в реагировании на криминальные конфликты невозможно даже вразумительно поставить вопрос.

Говоря о парадигме карательного правосудия, мы имеем в виду определенный подход, видение и преступления, и реакции на него. Карательное правосудие ориентировано на необходимость *воздаяния по заслугам*, а преступление против человека считается *преступлением против государства*, установившего определенный правопорядок.

³ ¹ См.: Уголовная политика России — прошлое, настоящее, будущее. Сб. материалов. Вып. 1. / Под ред. В.Абрамкина. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997; Поиски выхода. Преступность, уголовная политика, места заключения в постсоветском пространстве. М.: «Права человека», 1996.

⁴ Расходы одного только федерального бюджета на учреждения ГУИН МВД РФ, в которых содержится 93–94% всех заключенных, в 1996 году превысили 8,5 триллионов рублей, что составляет около 2% всей расходной части бюджета (см.: Поиски выхода. Преступность, уголовная политика, места заключения...).

⁵ За последние 10 лет постепенно оказались ликвидированы или выхолащены все формы участия общественности в уголовном правосудии развитые при социализме — товарищеский суд, народные заседатели, процедуры взятия правонарушителей на поруки трудовым коллективом.

Иными словами, данная доктрина предлагает в событии преступления видеть *отношение лица, совершившего преступление, и государственной санкции*, а не отношение между людьми или отношение лица, совершившего преступление, и общества. Таким образом, только государство оказывается уполномоченным справляться с правонарушителями, и именно через применение уголовных санкций. В практике карательного правосудия правонарушители просто «удаляются» из общества, а жертвы преступлений при этом редко получают возмещение убытков и нередко вторично страдают из-за самого государства.

Такой подход консервирует в уголовной юстиции примат государственных карательных санкций, поддерживает рост тюремного населения и предельно затрудняет подключение общества к неформальному контролю отклоняющегося поведения, установлению справедливости и разрешению криминальных ситуаций и конфликтов.

Мы уверены, что к обустройству уголовной юстиции необходим совершенно иной подход, подход опирающийся на принципы восстановительного правосудия, ограничение государственного карательного правосудия и *развитие общественных инициатив*.

В данной статье мы хотели бы сфокусироваться на том, какие же возможны общественные инициативы в сфере уголовной юстиции, какова их миссия, институциональное оформление и способы работы.

Роль общества в уголовной юстиции

За последние два века в Европе было два периода активного роста преступности. Первый — в XIX – начале XX веков (вызван становлением «дикого» капитализма, миграцией сельского населения в города, пауперизацией рабочего класса и т.п.). Второй — в 50–80 годах XX века (причина — массовые миграции, послевоенная разруха, структурные перемены в экономике).

Эти всплески побуждали европейские государства к самореформированию, в ходе которого постепенно шло возникновение новых институтов и изменение самой конструкции уголовной юстиции.

Если мысленно проделать обобщение и сформулировать разворачивающуюся все это время общую тенденцию, то можно сказать, что в Европе исполняется минимум 150 лет процессу постепенной передачи от государства в руки общества функции реагирования на преступное поведение и его профилактики⁴.

Первый всплеск преступности принес такие формы деятельного участия общества как *филантропия для групп риска, пробация, патронат*.

Так пробационная деятельность благотворительных обществ была направлена на помощь людям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации и обвиняемых в совершении преступлений. Цель пробации состояла в замене тюремного заключения общественной опекой над социально опустившимися гражданами, поскольку именно это стало причиной их преступлений. Для осуществления своей миссии благотворительные общества могли обращаться в суд с ходатайством об условном осуждении подсудимого, принимая при этом на себя перед судом обязательства осуществлять надзор за условно освобожденными (пример из практики Англии конца XIX века).

Если пробация начиналась до приговора суда и заменяла исполнение наказания в виде лишения свободы, то патронат применялся к лицам уже отбывшим наказание.

Чтобы понять, почему патронат был официально признан именно в середине XIX века, нужно вспомнить, что до этого момента сущность наказания, применяемого в случае тяжких преступлений, состояла в том, что преступника просто «выбрасывали» из нормального общества. Его могли физически покалечить, поставить на лоб клеймо и/или отправить на каторгу — и все это для того, чтобы физически и символически выкинуть его из нормального общества. Таким образом, после того, как земной шар был полностью обжит, и отправить преступника на каторгу в какую-нибудь Австралию ста-

ло невозможно, возникли совершенно новые вопросы: как вернуть человека после отбытия наказания в нормальное общество? возможно ли это сделать без участия в этом возвращении самого общества? и т.п.

В связи с этими вопросами наказанию начинают придавать смысл средства исправления осужденного, возникают благотворительные общества, помогающие бывшему заключенному встроиться в нормальную жизнь, поступить на работу и т.п.

Чтобы лучше представить себе изменения, произошедшие в XIX веке в уголовной юстиции европейских стран, воспользуемся схемой (см. сх.1).

В левой части схемы изображены стандартные элементы, составляющие профессиональное государственное правосудие (следствие, суд, система исполнения наказания). Эта машина правосудия «срабатывает» в случае возникновения криминальных проявлений, источником которых является группа риска (социальная группа, оказавшаяся в неблагоприятных рыночных и материальных условиях). Часто группа риска пополняется теми лицами, кто потерял поддерживающее их социальное окружение, деклассировался⁵.

Мы говорим о передаче реагирования на криминальную ситуацию в руки общества, имея в виду возникновение различных форм общественного вмешательства в ход конкретных уголовных дел и судьбу нарушителя.

Расширение различных форм участия общества в уголовной юстиции продолжилось во второй половине XX века. Здесь нужно отметить тенденцию качественного расширения помощи жертвам преступлений и формирования движения за восстановительное правосудие. Последнее было инициировано развитием ряда криминологических идей и технологически опиралось на способы посредничества между жертвой и правонарушителем и их примирения.

Уголовная политика, начиная с середины XX века, решает задачу сокращения сферы деятельности карательной уголовной юстиции новыми методами. Отчасти это сокращение достигается корректировкой следственной и судебной практики, расширением возможностей для прекращения уголовных дел на всех стадиях уголовного правосудия, в частности, за счет более широкого использования институтов примирения и возмещения ущерба, за счет третейских и соседских судов и т.п. Качественно новый элемент юстиции, формирующийся в это время, — создание при прямом участии общественных посредников новых институтов и служб, оттягивающих на себя значительный поток очевидных и не представляющих большой сложности для расследования уголовных дел.

Такой новый институт — общественное примирение — основан на восстановительной парадигме уголовного правосудия⁶. Согласно этой концепции, в случае совершения преступления у правонарушителя возникает ответственность перед человеком и теми общественными отношениями, которым он причинил вред. Эта ответственность ведет не к уголовному наказанию, но к необходимости осознания содеянного и принятия обязательств по возмещению ущерба, причиненного жертве и сообществу. Договор о таком возмещении и составляется в ходе примирительной встречи, проходящей в присутствии нейтрального лица — ведущего. Таким образом, парадигма восстановительного правосудия предполагает, что криминальная ситуация влечет не уголовную ответственность, зачастую выражающуюся в окончательно уничтожающих личность правонарушителя бессмысленных карательных санкциях со стороны государства, а социальную. Изобразим происходящие изменения на схеме (сх. 2):

Сегодня во многих странах работают Центры медиации (альтернативного решения споров), созданные при местных органах власти и поддерживающие тесную связь с полицией, следствием, судами и тюрьмами. Криминальные конфликты из полиции, прокуратуры или суда направляются в эти Центры для организации процедур примирения между сторонами. В таких странах и по некоторым категориям уголовных дел вопрос о целесообразности возбуждения дела или наказания преступника ставится в зависимости от результатов примирения. Положительные результаты примирения могут влиять на ход уголовного дела (прекращение дела) и на результаты рассмотрения его в суде (смягчающие наказание обстоятельства). Кроме того, примирение может определять возможность досрочного освобождения (если примирение проходит с участием уже осужденного преступника и его жертвы).

Центры медиации являются характерным проявлением процесса передачи в руки общества криминальных ситуаций. В первую очередь общество воздействует на ситуации, связанные с традиционной, бытовой и непрофессиональной преступностью.

Под влиянием анализируемой нами тенденции уголовная юстиция обретает следующие черты:

реже применяется наказание в форме лишения свободы, что ведет к сокращению тюремного населения и сдерживанию расходов на содержание правосудия; она пополняется правовыми институтами, создающими основания объединенной государственно-общественной деятельности. В рамках этих институтов общественные группы и граждане ставятся в условия самостоятельности в работе по позитивному влиянию на личность правонарушителя, обеспечению опеки, разрешению криминальных конфликтов и восстановлению справедливости; уголовная юстиция обретает гибкость, поскольку в ее рамках объединяются разные способы реагирования на преступное поведение (карательный и восстановительный).

расширяется концептуальная база уголовной юстиции, последняя получает свое основание не только в уголовном праве, но и в криминологии и социологии преступности. Криминология превращается в конкурирующую с уголовным правом дисциплину, претендующую на интеллектуальное и мировоззренческое обеспечение восстановительной практики.

Такова тенденция изменения уголовной юстиции в Европе и ее общий итог.

А что в России?

До сих пор в истории России отмеченная тенденция проявлялась чрезвычайно слабо. Например, в 1901 г. в России, где тогда было 800 мест заключения, работало 6 обществ патроната (считая столичные мужские и женские благотворительные комитеты за одно общество). Для сравнения, в Англии в 1900 г. — 56 местных тюрем и 5 каторжных, а обществ патроната было в 2 раза больше. В Пруссии в 1898 г. — 231 общество. С точки зрения развития технологий восстановительного правосудия и примирения в Европе уже выявились страны-лидеры, где развита мощная практика проведения примирения по уголовным делам (Австрия, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Финляндия, Норвегия) и страны отстающие, где только завершаются эксперименты и идут изменения в законодательстве направленные на институционализацию новой практики (Чехия, Словакия, Испания, Италия, Польша, Швеция и др.). Россия находится на периферии этого движения.

В Москве в 1998 г. усилиями Общественного центра «Судебно-правовая реформа» начата первая экспериментальная программа по примирению между несовершеннолетним обвиняемым и его жертвой.

Почему же так происходит в России?

Существование общинного правосудия делало опеку общины и родственников естественной и ставило пределы уголовной репрессии государства. По переписи 1892 г., в России 82% населения — крестьяне, живущие в основном в общинах. По законам Российской империи община обладала правом судебной власти, и абсолютное большинство криминальных ситуаций и конфликтов в России длительное время решались в рамках общины без участия государственного правосудия.

При советской власти, когда действовала идеологическая позиция отмирания права и государства, включение общества обеспечивалось в формах участия народных заседателей в судах, товарищеских судов, взятия на поруки трудовым коллективом и т.п.

Длительное время советская уголовная юстиция воспринималась под углом зрения проблемы десталинизации. На первом месте стояла необходимость ликвидировать условия для фабрикации уголовных дел и создать соответствующие гарантии для обвиняемых. Таким образом, энергия реформаторов уходила в сферу создания социалистической законности, достижения истины по делу.

Криминология при советской власти третировалась, была лже-наукой, проникновение новых идей сдерживались, что политически работало на монопольное положение уголовной карательной доктрины.

В результате действия всех этих факторов тенденция развития общественности в сфере уголовной юстиции в России разворачивалась однобоко.

Действительно, можно говорить о двух проблемах российской уголовной юстиции:

отсутствие независимости правосудия от исполнительной власти, произвол работников правоохранительных органов и судей;

доминирование карательного подхода и «засилье» административных решений в работе с отклоняющимся и преступным поведением (особенно нетерпим такой подход в отношении совершающих правонарушения подростков). Российское карательное правосудие особенно неэффективно в работе с гражданами, пострадавшими от преступлений, и несовершеннолетними правонарушителями. Оно не в состоянии обеспечить ни восстановление морального, психологического и материального ущерба, нанесенного жертве, ни социальной реабилитации преступника.

Если на решение первой проблемы ориентировано российское правозащитное движение, то для решения второй в России до сих пор не оформлено ни массовое общественное движение, ни соответствующий ему тип общественных инициатив. Формирование общественных инициатив, способных к неформальной работе с группами риска, обвиняемыми, пострадавшими и заключенными, способствующих расширению восстановительных и реабилитационных программ, во многом остается за границами крупных правозащитных проектов.

При этом сегодняшняя ситуация в характеризуется тем, что численность тюремного населения России одна из самых больших в мире, причем тюрьмы и заключенные находятся в бедственном состоянии, становятся источником криминализации населения и трудноизлечимых болезней;

отсутствуют серьезные криминологические школы и, соответственно, образованные прослойки юристов, готовых к реализации некарательных подходов;

отсутствуют механизмы и процедуры, позволяющие общественным группам корректировать деятельность правоохранительных органов в нестандартных ситуаци-

ях (типичный пример такой нестандартной ситуации — уголовное дело подростка, имеющего задержки в психическом развитии); процесс роста общественных формирований далек от завершения. НКО пока и численно и качественно не соразмерны с машиной уголовного правосудия и пенитенциарной системой; имеется экстренная необходимость сокращать бюджетное финансирование уголовного правосудия.

Таким образом именно сейчас в уголовной юстиции России складывается, с одной стороны, ситуация идеологического вакуума, дефицита новых смысловых ориентиров и, с другой, — необходимости осуществлять серьезные реформы.

Отчасти, выразителем этой картины являются действия Министерства юстиции, в ведение которого передали, как это заведено в Европе, исполнение наказания. Это министерство вынуждено лоббировать в Государственной Думе амнистии и предлагать экстренные реформистские мероприятия по изменению уголовного правосудия и сокращению численности тюремного населения, не имея возможности опереться для формирования некарательных способов реагирования на организованные силы общества. Данная ситуация усугубляется тем, что политика в России не обрела устойчивости. Централизованная, не подконтрольная гражданскому обществу машина репрессивных органов является готовым тоталитарным механизмом для нового диктатора⁶.

Такая ситуация несет в себе одновременно и потребность и шанс для продвижения общественных инициатив.

Движение за восстановительное правосудие.

В указанном контексте можно сформулировать, что миссия общественных инициатив, состоит в том, чтобы **возобновить в России упущенные, недооцененные или задержавшиеся исторические процессы**. Мы в мире никому не нужны, нам нужно самим втаскивать себя (и Россию) в историю.

Это становится возможным, когда общественность, преодолевая идейный вакуум и распространение «выживания» как ведущего мотива жизни многих социальных и профессиональных групп, **генерирует новые смысловые и управленческие ориентиры, создает и осознанно продвигает ряд институциональных проектов**⁷.

Для сферы уголовной юстиции естественно будет прямо ставить вопрос о развитии таких общественных инициатив и объединении их в широкое движение, которое осознанно выступает за *новую нормативную модель организации* уголовной юстиции, прямо основанную на технологическом участии в ней общества и смысловых ориентирах восстановительного правосудия. При этом общественные инициативы могли бы в своей практической деятельности реализовать все те формы участия общества в реакции на преступление, которые описаны выше.

Чтобы такое движение могло сформироваться, необходима коалиция неправительственных организаций, уже работающих в сфере юстиции, поддерживающих развитие третьего сектора структур (Благотворительных Фондов, Ресурсных Центров), экспертного сообщества правоведов и гуманитариев. Эта коалиция могла бы формироваться вокруг работы по развитию общественности в сфере уголовной юстиции. С моей точки зрения программа соответствующих действий должна включать в себя:

мероприятия по выявлению, организационной доводке и поддержке НПО, действующих в секторе уголовной юстиции для несовершеннолетних и взрослых;

⁶ Поиск выхода. Преступность, уголовная политика, места заключения...

⁷ Максудов Р., Флямер М. Общественная инициатива: от дружеского круга к институциональному проекту // Материалы конференции «Возможности и перспективы ресурсных центров». 1999.

подготовку и проведение адресных образовательных программ (для общественности, работников правоохранительных органов, юристов, политиков), знакомящих их с парадигмой восстановительного правосудия, и различными технологиями участия общества (благотворительность для групп риска, пробация, патронат, поддержка жертв, общественное примирение);
расширение ареала экспериментальных и пилотных проектов НПО, доведение их замыслов и результатов до населения, профессиональных групп, управленцев разных уровней. Данные эксперименты позволят установить партнерские связи и внести новые ориентиры в деятельность правоохранительных органов и органов профилактики преступности;
работу в разных регионах с политиками, партиями, губернаторами, органами местного самоуправления по продвижению законодательных инициатив и системной реформы уголовной юстиции в России.

ОПЫТ ПАРТНЕРСТВА

ПРОЕКТ «ПРАВО НА ДЕТСТВО»

Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (Фонд «НАН») в течение года (с мая 1999 по май 2000гг.) осуществлял проект «Право на детство» в Юго-Западном Административном Округе (далее — ЮЗАО) г. Москвы. В проекте была продолжена начатая ранее деятельность Фонда по развитию социальной работы с дезадаптированными детьми и семьями, находящимися в кризисной ситуации.

Ряд направлений, разрабатывавшихся в рамках проекта (построение системы ювенальной юстиции, внедрение технологий восстановительного правосудия), совпали с приоритетными интересами Общественного центра «Судебно-правовая реформа», сотрудники которого приняли активное участие в подготовке и осуществлении проекта.

Опыт и результаты этой совместной работы оказали непосредственное влияние на содержание и организационные формы дальнейшей деятельности Центра СПР.

О ПРОЕКТЕ «ПРАВО НА ДЕТСТВО»

Работа сотрудников Фонда «НАН» с детьми группы риска показала, что часто ребенок попадает в ситуацию социальной запущенности в результате нарушения его собственных прав. На сегодняшний день в нашей стране дети принадлежат к одному из наименее защищенных слоев населения. Нарушения происходят почти по всем статьям Конвенции ООН «О правах ребенка»: насилие в семьях, нищета, отчисление из школы, отсутствие досуговых учреждений и т.д. Это приводит к экономической и социальной депривации подрастающего поколения.

Для изменения ситуации необходимо провести целый комплекс мероприятий: изменить законодательную базу, откорректировать способы и методы реагирования на отклоняющееся поведение, сменив позицию в работе с дезадаптированными детьми и подростками с репрессивно-карательной на реабилитационную, восстанавливающую, выстроить схему взаимодействия различных общественных и государственных структур.

Указанные соображения легли в основу проекта, стратегическая *цель* которого формулировалась как построение реабилитационного пространства для детей группы риска. Реабилитационное пространство — это территориальная система ведомств, служб, учреждений, общественных инициатив, которая во взаимодействии с населением осуществляет комплексную защиту прав несовершеннолетних, а также профилактику и реабилитацию дезадаптированных детей и подростков. Главная *задача* работы — обеспечение непрерывности и единого комплексного подхода к работе с целевой группой, начиная с выявления признаков принадлежности к ней несовершеннолетнего и до его по возможности полного, всестороннего восстановления (психологического, социального, медицинского, правового).

Для реализации цели работа велась по трем направлениям.

1. *Социальная работа.* Для комплексной социальной работы в кризисной ситуации были созданы социальные службы «Ребенок на улице», «Ребенок дома», «низкопороговый» клуб (куда не было специального отбора при приеме детей и где персонал был готов к встрече подростками, не умеющими ненасильственно решать конфликты, употребляющими ненормативную лексику и пр., что не требуется от педагогов, работающих в клубах по интересам), психологическая служба и информационный центр.

2. *Восстановительное правосудие.* В рамках этого направления сделан шаг в реформировании Комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) Управы «Академическая» ЮЗАО г. Москвы за счет введения в деятельность КДН технологий некарательного реагирования на правонарушения несовершеннолетних.

3. *Реабилитационные программы.* Сюда входит проведение специальных реабилитационных мероприятий для несовершеннолетних группы риска (тренинги, профилактический театр, походы, терапевтические группы и т.д.)

Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (Фонд «НАН») в течение года (с мая 1999 по май 2000гг.) осуществлял проект «Право на детство» в Юго-Западном Административном Округе (далее — ЮЗАО) г. Москвы. В проекте была продолжена начатая ранее деятельность Фонда по развитию социальной работы с дезадаптированными детьми и семьями, находящимися в кризисной ситуации.

Ряд направлений, разрабатывавшихся в рамках проекта (построение системы ювенальной юстиции, внедрение технологий восстановительного правосудия), совпали с приоритетными интересами Общественного центра «Судебно-правовая реформа», сотрудники которого приняли активное участие в подготовке и осуществлении проекта.

Опыт и результаты этой совместной работы оказали непосредственное влияние на содержание и организационные формы дальнейшей деятельности Центра СПР.

О проекте «Право на детство» говорят его участники.

Об организации комплексной социальной работы рассказывают: Светлана Бесуднова — руководитель социальной службы в проекте, Зинаида Булгакова — социальный работник.

Исследование проблемы безнадзорности детей позволило сделать вывод, что дети, попавшие «на улицу», как правило, имеют родителей, однако нормальные отношения с ними нарушены, ситуация в семье характеризуется как кризисная. Отсюда появилась идея создания двух взаимосвязанных и взаимодополняющих служб: «Ребенок на улице» и «Ребенок дома». Социальная работа первой службы ведется непосредственно на улице в среде детей, что позволяет более точно и своевременно выявлять подростков, находящихся в кризисной ситуации, а также факты нарушения их прав. Социальные работники являются связующим звеном между детьми и обществом, приближают к подросткам сферу социальных услуг, пользуясь в своей работе специфическими методами и средствами. Повышение эффективности деятельности службы «Ребенок на улице» зависит от ее взаимодействия с другими участниками реабилитационного пространства. Воздействуя на ребенка, важно одновременно решать проблемы его пребывания в семье, поэтому социальный работник второй службы — «Ребенок дома» — осуществляет связь с неблагополучной семьей с целью восстановления ее социальных связей с обществом и тем самым создания условий (по возможности) для возвращения ребенка в семью.

Другими участниками реабилитационного пространства являются КДН, ОППН, школы, досуговые учреждения, точно так же призванные решать проблемы социальной адаптации трудных детей. Сегодня ключевым звеном этой системы органов остаются Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые должны осуществлять координирующие действия. Поэтому важно, чтобы члены комиссии получали как можно больше информации о детях и их семьях, становились инициаторами их реабилитации и социального оздоровления. Для этого необходима реформа КДН и, прежде всего, организация в ней социальной работы и применение программ восстановительного правосудия. В связи с этим кроме работы «на улице» и с семьей наши социальные работники стали сотрудничать и с Комиссиями по делам несовершеннолетних.

В продолжение темы на вопрос о том, почему в рамках этого проекта встал вопрос о реформировании КДН, отвечает исполнительный директор Центра СПР, консультант проекта «Право на детство» Михаил Флямер.

Можно выделить три источника постановки вопроса о реформировании КДН.

1. Необходимость сохранения положительных результатов проекта после его завершения, что возможно лишь при перестройке работы клубов, КДН и других действующих сегодня учреждений в русле закрепления некарательного подхода к работе с дезадаптированными детьми и кризисными семьями.

2. Сопоставление разных точек зрения участников проекта на направления такой перестройки КДН. Так, в частности, любопытная идея была предложена сотрудником РБФ «НАН» Булатом Ширгалиным: развить состязательные начала в оценке правонарушений подростков. Почему у подростка, чье поведение обсуждают члены КДН, нет защитника? Фактически речь шла о социальном работнике, который стал бы выступать на заседаниях КДН как защитник правонарушителя. Спасибо Булату — его ход мысли развязал нам фантазию. Мы с Руستمом Максудовым понимали, что превратить КДН в суде-подобное учреждение не перспективно. Но сказать так мало, надо было предложить позитивную идею. В контексте становления ювенальной юстиции важно обеспечить отсутствующую сегодня иную функцию — активное управление ресоциализаций подростков. Что же касается разбора собственно правонарушений, тут мы надеялись на силу программ восстановительного правосудия.

3. Требования системного подхода: нельзя изменить элемент без изменения системы в целом, и наоборот. Отсюда возникла установка на обсуждение реформирования КДН. Включение в работу КДН специалистов по социальной работе и использование программ восстановительного правосудия еще не означает глубокого и всестороннего реформирования КДН. Привлечение новых специалистов в работу комиссий порождает ряд вопросов: как они должны быть встроены в работу комиссий? нужны ли они для выполнения задач, которые сейчас стоят перед КДН, или необходимо пересмотреть сами эти задачи, то есть менять систему в целом? и др.

На вопрос о том, что привнесли в деятельность КДН социальные работники и программы примирения, отвечает председатель КДН Управы «Академическая» (ставшей в рамках проекта экспериментальной площадкой для реализации идей реформирования КДН) Татьяна Николаевна Зарицкая.

Я считаю, что несмотря на небольшой срок это был положительный опыт, требующий продолжения и дальнейшего развития. Эффективность такой работы почувствовала вся комиссия. Присутствие социального работника, его взаимодействие с семьей, школой, досуговыми учреждениями, работа с подростками по «горячим следам», изучение его жизненной ситуации и представление на заседании комиссии — все это позволяло членам КДН принимать более продуманные решения в отношении несовершеннолетних. Социальный работник, докладывая на заседаниях комиссии о проведенных мероприятиях, предлагал и пути социальной реабилитации подростков. Никакой секретарь комиссии не смог бы провести такую длительную, систематическую работу, так как для этого требуется много времени и специальная подготовка.

В ряде случаев социальный работник был инициатором проведения программ восстановительного правосудия, программ, способствующих конструктивному решению конфликтов с участием несовершеннолетних, программ, позволяющих вразумить нарушителя, привести к осознанию им своей ответственности. Иногда в результате участия социального работника и ведущего восстановительной программы отпадала необходимость в приглашении детей на заседание комиссии, так как разрешение конфликта и реабилитация подростка уже не требовали дополнительного вмешательства.

Такой опыт, повторяю, позволяет нам положительно решать вопрос о продолжении этих начинаний и дальнейшем сотрудничестве.

Свою оценку социальной работы дали руководитель проекта «Право на детство» Андрей Закотин и участник проекта, сотрудник Фонда «НАН» Вячеслав Москвичев.

Несмотря на ряд недостатков, которые объективны в нашей экспериментальной деятельности, мы оцениваем проведенную в рамках проекта социальную работу положительно в том плане, что:

- социальными работниками была проанализирована жизнь уличных детей;
- оказана конкретная помощь ряду детей и их семьям;
- отработаны варианты деятельности социальных работников в различных ситуациях;
- сформулированы основные принципы, функции, методы и формы социальной работы;
- проработан механизм взаимодействия социальных работников с различными государственными и общественными структурами.

Все это позволяет ставить вопрос о расширении работы, о распространении опыта, о привлечении и обучении новых специалистов по социальной работе.

Какова связь результатов проекта с последующей деятельностью Центра СПР? На этот вопрос отвечают Рустем Максудов — руководитель программ восстановительного правосудия Центра СПР, консультант проекта «Право на детство», и Михаил Флямер.

Р. Максудов. Я выделил бы здесь несколько моментов.

Прежде всего, мы получили опыт реального партнерского проекта. Мы были не просто исполнителями, а участвовали в концептуальном оформлении самой деятельности и ее результатов. Разработаны представления о том, какие элементы ювенальной юстиции нам нужны, как их можно реализовать в российских условиях в рамках действующего законодательства.

Мы получили интересный опыт взаимодействия с КДН, описанный нами в специальной брошюре. Первые попытки реформирования КДН (использование программ примирения и деятельности социальных работников) показали саму возможность и направления преобразования комиссий, а также важную роль реформированных КДН в системе ювенальной юстиции.

В ходе проекта были отработаны новые программы восстановительного правосудия — примирения в семье, семейные и школьные конференции, круги заботы. То есть проект дал возможность не ограничиваться только программами примирения жертвы и несовершеннолетнего правонарушителя, а вести поиск других форм улаживания конфликтов и воздействия на отклоняющееся поведение. Кроме того, началась выработка организационных и технологических схем взаимодействия различных специалистов в восстановительных программах (прежде всего ведущих программ восстановительного правосудия и социальных работников).

Мы учились защищать идеологию восстановительного правосудия. Были ситуации, когда нам приходилось не только проводить программы примирения, но в этой идеологии отстаивать конкретных подростков и ставить некоторые преграды карательному подходу.

И, наконец, в процессе реализации проекта мы познакомились с такими интересными людьми как Андрей Закотин, Вячеслав Москвичев, Анна Бирик, Светлана Бесуднова, Нодари Хананашвили, Булат Ширгалин и др.

М. Флямер. Хочу отметить три важных результата проекта, которые — и сегодня об этом уже можно говорить — действительно вошли в работу нашего Центра и будут разворачиваться в дальнейшем.

Первый — оценка самого типа проекта. Этот локальный проект отчасти отображает глобальную реформу, начатую в России в области построения системы ювенальной юстиции. По сути, проект был направлен на отработку конкретных форм деятельности. Кроме того, удалось реализовать установку на развитие самого коллектива участников,

воссоздавших на себе новую форму деятельности, которая может быть рассмотрена как прообраз некоторых элементов ювенальной юстиции.

В чем заключается эта форма деятельности? Вопрос выводит нас ко второму важному результату — становление комплексной социальной работы, кооперация ведущего программ примирения и социального работника. Промысливание такой кооперации, ее теоретическое обоснование и практическое воплощение в ходе проекта стали шагом нашего собственного роста и развития в теории и практике восстановительного правосудия.

Третий результат — опыт погружения в ситуацию работы одной из районных КДН. До этого проекта у нас не было такого плотного взаимодействия ни с какой другой структурой. В будущих проектах планируется продолжать начатую в КДН работу. Кроме того, возникают мысли о необходимости такого же тесного взаимодействия и с другими государственными структурами, например, ОППН.

И последний вопрос сотрудникам Центра СПР: В чем вы видите перспективы сотрудничества с Фондом «НАН»?

М. Флямер. Есть большая область, в которой такое сотрудничество уже простроено и его необходимо продолжать, — работа по формированию в России ювенальной юстиции. Здесь надо точнее обозначить взаимодополнительность наших организаций для получения в будущем хороших рабочих результатов.

Р. Максудов. Перспективы сотрудничества с Фондом, кроме сказанного Михаилом, заключаются в том, что важно отработать с участием большого количества специалистов механизм включения технологий восстановительного правосудия в деятельность различных государственных органов. Дальнейшая концептуализация складывающейся практики применения технологий восстановительного правосудия, отработка методик и техник и т.д., — также важные направления сотрудничества.

На вопросы о том, что дало проекту «Право на детство» сотрудничество с Центром СПР и каковы перспективы работы Фонда, отвечают Андрей Закотин и Вячеслав Москвичев.

Изначально проект был направлен на работу с социально-дезадаптированными детьми и подростками в целом с применением арсенала социально-реабилитационных методов и средств. Однако в процессе подготовки проекта мы обратили внимание на тот факт, что многие из таких подростков являются или могут стать правонарушителями. Следовательно, в работе с ними необходимы новые технологии. Поиск таковых привел нас к сотрудничеству с различными организациями, в том числе с Центром СПР, который на протяжении нескольких лет разрабатывает и внедряет технологию применения программ примирения жертвы и несовершеннолетнего правонарушителя. В результате рабочего взаимодействия в окончательном варианте проекта была сформулирована идея реформирования КДН в двух направлениях: включение в работу комиссии социального работника и применение программ восстановительного правосудия. В ходе работы сотрудники Центра проводили такие программы. Совместно с социальным работником КДН Управы «Академическая» Зинаидой Булгаковой ими был выстроен алгоритм работы социального работника в КДН, поставлен вопрос о взаимодействии ведущего программ примирения и социального работника. В специальной брошюре они проанализировали опыт организации социальной работы и программ примирения в деятельности КДН. Именно благодаря этому стало понятно назначение социального работника в КДН, а также в суде и милиции.

Проект в целом стал ступенью в продвижении идей ювенальной юстиции, разрабатываемых сотрудниками Фонда «НАН».

Что касается перспектив Фонда, мы не теряем надежды продолжить начатое и закрепить положительный опыт уже на муниципальном уровне с привлечением средств

Комитета по делам семьи и молодежи при Правительстве г. Москвы. Мы планируем создание Центра социализации для несовершеннолетних группы риска, который будет включать службы, работа которых была апробирована в ходе реализации проекта «Право на детство».

В настоящее время в Фонде «НАН» реально действует только одна структура — Приют «Дорога к дому».

Опыт проекта «Право на детство» представлен в ряде брошюр.

Защита прав ребенка (социальные и экономические аспекты). 2-е изд. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Ширгалин Б. Ш. Социальная служба «Ребенок на улице». Методическое пособие по организации деятельности уличных социальных работников. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Москвичев В., Бессуднова С. Социальная работа с несовершеннолетними. Опыт организации социальной службы. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Баушева И., Буянова Е., Гордина О. и др. Реабилитационная программа для детей и подростков «Театр». М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Флямер М., Максудов Р. Комиссия по делам несовершеннолетних (КДН): реалии и перспективы. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Ширгалин Б., Заладский В. Реабилитационно-тренинговая программа «ВЫЗОВ». М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Терентьева А., Ивашин О., Москвичев В. Реабилитационная программа для несовершеннолетних «Перекресток». М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Зыков О., Максудов Р., Флямер М., Хананашвили Н. Ювенальная юстиция. Правовые и технические аспекты. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

Материал подготовлен Татьяной Дугарской

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ

Р. Максудов, М. Флямер

ПРОГРАММЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ⁸

Этапы становления социальной работы в ювенальной юстиции

Поле ситуаций, с которыми должны работать специалисты ювенальной юстиции, структурируется следующими обстоятельствами. В различных частях социума (сфере производства, образования, рынках труда) создается такая ситуация, которая «ломает» и вносит дисфункции в традиционные институты социализации (семью, образование, культурные общности). Взросление подрастающего поколения наталкивается на ослабление влияния семьи и образования, растет влияние антикультурных и антисоциальных общностей. Частичное разрушение первичных социальных связей ребенка (прежде всего в семье) приводит к «запущенности», т.е. может сопровождаться отставанием психического развития, несформированностью важных социальных навыков, отсутствием у части подростков осознания собственных жизненных перспектив. Криминологи обнаруживают и описывают специфические жизненные ситуации, приводящие к криминальному заражению.

Карательные методы реагирования на криминальное поведение значительной части подростков оказываются неэффективными и контрпродуктивными, поскольку не решают вопрос о его позитивной социализации. Возникают общие вопросы: «С каких позиций работать с несовершеннолетними правонарушителями?» «Какие новые механизмы социализации и трансляции культуры нужны и как их сформировать?».

Реконструкция истории ювенальной юстиции позволяет восстановить возможные и применяемые (в том числе в рамках реализующихся сегодня пилотных проектов) принципы деятельности и организационные схемы социальной работы⁹. Ювенальная юстиция получила свое начало и основание через представление о подростке и его взрослении как *определяемом социокультурной средой*. В частности, семья рассматривалась как важнейшая среда (и сила), где в непосредственном общении у подростка формируются социальные нормы.

В недавно изданной в России работе прямо поддерживается этот давний взгляд:

«В детстве и отрочестве человек учится соблюдать социальные нормы: это процесс социализации, посредством которой происходит социальное регулирование... Регулирование в психосоциальном плане осуществляется благодаря совокупности ограничений и связей молодого человека со средой. Привязанность к среде и определенные обязательства по отношению к ней являются мощными регуляторами. Действительно, чем больше молодой человек привязан к своей среде (семья, школа и сверстники), тем легче он согласится выполнять нормы, предписанные этой средой. Чем больше молодой человек привязан к своей среде, тем легче он смирится с навязанными ограничениями и усвоит их. Короче говоря, ограничения (правила), являющиеся законами

⁸ Авторы благодарят Анну Грасенкову и Людмилу Карнозову за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки статьи.

⁹ Более подробно см.: Максудов Р.Р., Флямер М.Г. Ювенальная юстиция: направления развития в мире и замысел создания в России. // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. / Под ред. М.Г.Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.

и социальными нормами, будут соблюдены, приняты и усвоены. В этот момент можно говорить об усвоенных ценностях, о самоконтроле и об умении сдерживать свои желания.

Хорошо социализированный индивид (тот, кто выполняет принятую им социальную роль, кто утвердил свое «я», кто привязан к своей среде) владеет средствами, необходимыми для противостояния преступности. У большинства подростков эти механизмы развиваются постепенно. Однако проблемы, переживаемые в семье, в школе или со сверстниками будут мешать нормальному функционированию механизмов регуляции»¹⁰.

Тем самым была изначально задана важнейшая функция социальной работы в ювенальной юстиции. Если карательные меры неэффективны, то что нужно и можно делать? Ответ состоял в том, что нужна социальная работа, которая восстановит разрушающиеся у подростка позитивные связи с миром (этому будут способствовать возврат в школу и нормализация отношений с учителями и сверстниками, устройство на работу, прохождение специальных реабилитационных программ и др.). Самым сложным в этой работе является вывод подростков из одних социальных сред (патологические семьи и уличные группировки) и включение в среды, способствующие позитивной социализации. В период становления системы работы с несовершеннолетними правонарушителями и детьми группы риска в США (конец XIX — начало XX века) подростки могли быть отданы под надзор попечителя или направляться (фактически без их желания) в специальное учреждение (реформаторий, приют, колония для несовершеннолетних правонарушителей). Миссией данных учреждений провозглашалась позитивная социализация. Направленность такой работы определяли назначенные государством должностные попечители (probation officer). Как отмечает П.И.Люблинский, анализируя суды для несовершеннолетних в Америке начала XX века,

«обязанности должностных попечителей в большинстве случаев сводятся к четырем функциям:

- 1) расследованию состояния и окружающей среды каждого ребенка, представленного в суде;*
- 2) присутствию на суде для сообщения сведений о несовершеннолетнем и для поддержки его интересов;*
- 3) производству отдельных расследований по поручению суда;*
- 4) принятию на себя попечительского надзора за несовершеннолетним до и после судебного разбирательства»¹¹.*

Ювенальный судья, опираясь на доклад должностного попечителя, принимал необходимые властно-правовые решения.

Следующий шаг развития социальной работы с подростками в рамках ювенальной юстиции был связан с включением подростков-правонарушителей в орбиту реабилитационных служб, которые проводили коррекцию поведения подростка, способствовали восполнению недополученных им в семье и школе социальных навыков и т.п. В ювенальной юстиции глубине (мере) десоциализации и заброшенности подростка был противопоставлен индивидуально-реабилитационный подход, в рамках которого социальный работник вместе со специалистами в психотерапии, ведущими различных тренин-

¹⁰ Ханиган П. Молодежь, испытывающая трудности. Понять, чтобы помочь. М.: Интердиалект+, 1999. С. 158.

¹¹ Люблинский П.И. Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры // Вестник воспитания. Кн. III. М., 1911. С.102.

гов коррекции поведения, создавал для каждого клиента индивидуальную программу реабилитации. Это касалось также и членов семей подростков.

Ювенальная юстиция пополнялась различными реабилитационными службами (тренинговыми, психотерапевтическими, социальными), работающими над «наладкой» «психического аппарата» подростка, над формированием поведенческих навыков, помогающих подростку освоить позитивные социальные роли и т.п. Социальный работник вовлекал подростков, а в необходимых случаях и их родителей, в деятельность этих служб, поддерживал необходимую интенсивность и результативность посещения их подростками¹².

Таким образом, можно выделить три общих принципа социальной работы, характерных для первых двух этапов ювенальной юстиции:

1. Опора на социальную среду (исключение из одних социальных сред и включение в другие).

2. Индивидуальный подход, предполагающий оценку глубины и причин десоциализации и проектирование необходимых коррекционных услуг, а также линии развития навыков подростка. Такой подход требовал также изменения его ближайшего социального окружения.

3. Поиск форм эффективной взаимосвязи множатых и специализирующихся социальных и психологических служб.

Следует отметить критику приведенных принципов, значимую для использования программ восстановительного правосудия в ювенальной юстиции:

Вся описанная выше организация работ в ювенальной юстиции не только оставляла за бортом традиционные задачи правосудия, «выносила за скобки» преступное поведение подростка, но и была равнодушна к обидам и ущербу, который принесли поступки подростка другим людям или обществу. Гордон Бейзмор так восстанавливает эту линию критики:

«Несмотря на свою неадекватность наказание, по мнению общества, по крайней мере, хоть как-то связано с преступлением. В то время как подход индивидуализации обращения связан исключительно с нуждами преступника. Для большинства граждан программы, обеспечивающие индивидуальное обращение в области ювенальной юстиции, предоставляют только выгоды для преступников и ничего или мало требуют от них взамен. Идея подхода индивидуализации обращения почти не несет в себе попытки донести до преступника, что он (или она) причинил ущерб кому-то, должен предпринять определенные действия для его возмещения, загладить свою вину и отвечать за последствия, связанные с ущербом, нанесенным этим преступлением. Более того, так как индивидуализация обращения в основном ничего не требует от преступников помимо участия в консультациях или лечебно-терапевтических мероприятиях, эти меры мало способствуют укреплению традиционных общественных ценностей, таких, например, как рабочая этика»¹³.

Кроме того, подросток в этой системе рассматривается как получатель социальных услуг, но не как субъект разрешения ситуации, в которую он попал. *Субъект, от действий которого зависит нормализация самочувствия жертвы, возмещение ущерба и, в*

¹² Как показывает анализ системы ювенальной юстиции, в результате этого этапа социальные работники приняли на себя функцию эффективной координации различных служб и подразделений, развития внутренних связей между ними и общей интенсификации деятельности.

¹³ Линия индивидуальной работы с подростками-правонарушителями раскрывается автором как парадигма индивидуализации обращения. См. *Бейзмор Г.* Три парадигмы ювенальной юстиции // *Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития.* М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 72–73.

конечном счете, отношения с обществом. Рассматриваемый подход отводил значительную роль профессионалам — социальным работникам и судьям — и неясную роль участию общественности в контроле отклоняющегося поведения.

Восстановительное правосудие в ювенальной юстиции

На протяжении второй половины XX века в ряде стран *происходит качественное изменение миссии и принципов* ювенальной юстиции, сложившихся еще в конце XIX-го века. Это проявилось в реформах и принятии нового законодательства.

Например, Закон, принятый в 1989 г. в Новой Зеландии, установил следующую цель ювенального суда: обеспечить, чтобы малолетний правонарушитель «отвечал за свое поведение и принимал на себя ответственность за него..., чтобы все его нужды находили признание, и он имел возможность в будущем развиваться как ответственный, приносящий пользу себе и обществу человек»¹⁴. В Канаде был провозглашен аналогичный принцип ответственности¹⁵. Статья 3 этого закона, посвященная политике в отношении молодых правонарушителей, гласит:

«3. (1) [Канадская политика в отношении молодых правонарушителей] Признаются и провозглашаются следующие принципы:

а) профилактика преступлений — основное средство длительной защиты общества; она требует искоренения причин, лежащих в основе подростковой преступности, и выработки программы действий различных специалистов, позволяющей одновременно выявлять подростков и детей, склонных к совершению противоправных действий и работать с ними соответствующим образом;

а.1) подростки ни в коем случае не должны быть приравнены к взрослым в том, что касается уровня их ответственности и последствий их поступков; тем не менее, молодые правонарушители должны нести ответственность за свои правонарушения;

б) хотя общество должно принимать разумные меры, чтобы предотвратить преступное поведение молодежи, оно должно быть в состоянии защитить себя от любого незаконного поведения»¹⁶.

Эти акценты контрастируют с прежней философией, когда делинквент рассматривался исключительно как ребенок, ставший жертвой неправильных жизненных установок и заблуждений, ребенок, нуждающийся в помощи, поощрении и содействии.

Провозглашение принципа ответственности в ходе реформ ювенальной юстиции не было шагом назад к репрессивному подходу, потому что сама эта коррекция происходила на новой практической почве — возникновения практики восстановительного правосудия. В восстановительном правосудии ответственность правонарушителя понимается не как наказание (чаще всего в виде лишения свободы), а как участие в программах, позволяющих исправить своими силами нанесенный ущерб. Важным здесь является участие жертв, а также, то, что именно участники криминальной ситуации с помощью подготовленного ведущего определяют конкретные пути выхода из этой си-

¹⁴ Часть 4 (f) Закона Новой Зеландии «О детях, подростках и их семьях, от 1989». Архив Центра «Судебно-правовая реформа».

¹⁵ В Канаде кульминационной точкой такой реформы стало принятие 7 июля 1982 г. Закона «О малолетних правонарушителях». Этот закон, заменил принятый еще в 1908 г. Закон «О делинквентах».

¹⁶ См.: Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. / Под ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. Раздел 3 «Законодательные стратегии в ювенальной юстиции».

туации, исправления нанесенного ущерба. Не упускается здесь и необходимость в определенных случаях вовлечения правонарушителя (а в отдельных ситуациях и жертвы) в те или иные программы социально-психологической реабилитации.

С помощью программ восстановительного правосудия функция разрешения дела (о правонарушении подростка) отделилась от профессионального суда. Идея восстановительного правосудия позволяет технологично и социально обоснованно подходить к разрешению дела через делегирование активности участникам криминальной ситуации¹⁷, включающей аспекты возмещения нарушителем ущерба потерпевшей стороне. Противоречие, которое стало возникать в рамках ювенальной юстиции — между принципом минимизации контактов с судебной системой и необходимостью обеспечить ответственность для правонарушителя — естественно разрешилось в программах восстановительного правосудия.

Реализация программ восстановительного правосудия с подростками ставит новые вопросы. Должны ли в ходе этих программ учитываться и, если да, то каким образом, состояние семьи, наличие или отсутствие родительского контроля и другие подобные факторы? В работе с некоторыми подростками автономного проведения программы примирения бывает недостаточно. Нам представляется очень важным обозначить основную идею, возникшую из опыта нашей работы. Вот один из примеров: пятнадцатилетний мальчик совершил несколько правонарушений (кражи, угон автомобиля). Состоялось судебное рассмотрение, и он получил условное осуждение. После этого подросток вновь участвовал в угоне. Социальные работники, опекавшие его, направили дело нам, и мы провели примирение между подростком и пострадавшим. Тем не менее, представитель милиции, опираясь на собственное мнение об этом подростке, приняла решение о заключении виновника под стражу.

Нам пришлось провести серию сложных переговоров, чтобы подростка не поместили в тюрьму. При разборе этого дела на заседании Комиссии по делам несовершеннолетних представители милиции и прокуратуры говорили следующее: «Вот вы провели примирение, но этот подросток и в силу его психологических качеств, и в силу отсутствия семейного контроля может опять совершить правонарушение. Если мы его не изолируем, люди не будут в безопасности». Это был естественный и важный вопрос, на который необходимо было отвечать не в идеологической или теоретической, но в реальной организации работы с подростком. Для разрешения этой ситуации мы стали целенаправленно работать над созданием *рабочей взаимосвязи программ примирения и социальной работы*.

Теперь на предварительных встречах мы обращаем внимание на факторы, которые могут нейтрализовать результаты программы примирения. В случае социальной запущенности подростка мы приглашаем социального работника, который организует работу по исправлению ситуации, толкающей ребенка на правонарушения¹⁸. Например, если состояние семьи и родительского контроля в ней таково, что у подростка фактически отсутствуют позитивные ориентиры и имеется масса пустого времени, то он вероятнее всего будет продолжать совершать различные правонарушения, как бы эффективно ни проводилось «улаживание» отдельных инцидентов. В этом случае необходимо включение в примирительный договор пункта о программе социально-психологической реабилитации, выполнение которой контролирует социальный работник. Такая программа реабилитации может приниматься на примирительных встречах

¹⁷ Наличие ведущего, прошедшего специальную подготовку, отличает такое правосудие от судов Линча.

¹⁸ Такая работа может вестись и с жертвой (например, если подросток является «козлом отпущения») или с другими участниками программы в случаях конфликтных ситуаций.

в режиме совместных обсуждений со всеми участниками и, в первую очередь, с самим правонарушителем и его родителями. В отдельных случаях необходима коррекция поведения в специальном Центре социализации¹⁹. Например, если у подростка отсутствует соответствующее возрасту понимание последствий своих действий для других людей, необходима работа психолога или реабилитационной службы.

С другой стороны, семья сама по себе может быть и не «в распадае», но в силу конфликта или отсутствия взаимопонимания ее положительное влияние на подростка минимально. Тогда программу восстановительного правосудия можно разделить на два этапа:

разрешение конфликта и налаживание взаимопонимания в семье и проведение примирения между жертвой и правонарушителем с участием родителей (в таком случае это будет вариант, близкий к семейным конференциям).

Предполагается, что такая работа будет содействовать укреплению семейных связей, возобновлению привязанности к семье и восстановлению обязательств подростка по отношению к его/ее близким. Выбор тех или иных вариантов должен основываться на анализе конкретного случая.

Рассмотрим теоретическую сторону данного вопроса. Ведущим программ восстановительного правосудия, социальным работникам, членам КДН, работникам правоохранительных органов и судьям важно понимать, что правонарушения подростков провоцируются определенными отношениями в семье, школе, компании, а также их индивидуально-психологическими особенностями. То есть необходимо работать, учитывая эти обстоятельства, а также уровень криминальной зараженности правонарушителя. В случае прогрессирующего асоциального поведения ребенка необходимо подобрать режим совместной деятельности различных специалистов — прежде всего ведущих программ примирения и социальных работников. Через такую кооперацию в работу с подростком могут подключиться психолог, а также ведущий той или иной реабилитационной программы.

При этом надо заметить, что восстановительное правосудие создает важные предпосылки эффективности проведения самой социальной работы. В упрощенном виде социального работника можно представить как посредника между человеком, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и различными социальными и психологическими службами, которые помогают людям социализироваться (избавиться от алкогольной или наркотической зависимостей, трудоустроиться, приобрести необходимые социальные навыки). Для социального работника важно избегать попыток взять в свои руки решение трудных (в том числе и криминальных) жизненных ситуаций своих клиентов. Ему важно добиваться того, чтобы они сами стали искать решение собственных проблем. Именно это и позволяют сделать программы восстановительного правосудия и восстановительные процедуры.

Социальная работа в программах восстановительного правосудия (ПВП)

Включение социального работника на этапах принятия «дела» ведущим и предварительных встреч. Прежде всего, необходимо отметить, что наиболее уместно участие социального работника в таких ПВП, где предполагается проведение долгосрочных реабилитационных мероприятий по отношению к подросткам и их ближайшему окружению (такие мероприятия необходимы в условиях распада семьи и дез-

¹⁹ В Москве Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» при поддержке Управы «Академическая» с большим трудом «пробивает» создание такого Центра.

организации семейных отношений, при психическом отставании, зависимости и т.д.)²⁰. На этапах приема дел и предварительных встреч ведущий должен выяснить необходимость и возможность такой работы. Если выяснится, что необходимо проведение реабилитационных мероприятий, то дальнейшая работа проводится с участием социального работника или других специалистов. Здесь же должна быть определена необходимость и последовательность проведения разных программ восстановительного правосудия. Предварительный анализ ситуации может показать, что семья перестала играть роль регулятора поведения подростка. Причина этого может быть связана с нарушениями общения, разногласиями и потерями глубины привязанности родителей и подростка. В этом случае может быть проведено примирение в семье, которое должно стать частью работы по урегулированию отношений с потерпевшим.

В ходе проведения встреч в семье, а также примирения жертвы и правонарушителя особое внимание должно быть уделено составлению программы реабилитации и разработке механизма ее выполнения с участием всех заинтересованных лиц. Управление реализацией данной программы может взять на себя социальный работник. Социальный работник должен известить ведущего о ходе выполнения программы реабилитации. Для более эффективной работы по случаям, требующим реабилитационных мероприятий, возможен пролонгированный характер программы восстановительного правосудия — некоторые подэтапы могут быть растянуты (при сохранении программы и ведущего), перестроены или увеличены (например, вопрос о возмещении ущерба или принятие участниками плана по поводу будущего нарушителя).

Роль социального работника как инициатора ПВП и проводника восстановительных действий. Мы считаем, что социальный работник может также выступать инициатором проведения ПВП. Это касается тех категорий социальных работников, которые работают в школах, муниципальных органах, общественных организациях во взаимодействии с КДН, инспекторами милиции. Ценности восстановительного правосудия могут реализоваться не только в случаях преступлений, но и в случаях правонарушений, имеющих основу в неблагоприятной семейной ситуации, отношениях со сверстниками и учителями, где правонарушение (в том числе административное) является сигналом об этой ситуации. Для социального работника важно понять, свидетельствует ли правонарушение о неблагоприятной ситуации, требующей проведения ПВП. В этом случае социальный работник по согласованию с соответствующим органом или организацией (КДН, инспекцией, школой и т.д.) может направить участников на ПВП, а также предоставить ведущему информацию о возможном круге участников в зависимости от ситуации подростка.

Если по тем или иным причинам ПВП не состоялась, социальный работник может сам пользоваться восстановительными процедурами, а также доводить до сознания участников необходимость использования таких процедур в повседневной жизни. По мнению Теда Ватчела, именно применение восстановительных процедур в повседневной жизни больше всего будет способствовать укоренению принципов восстановительного правосудия²¹.

²⁰ В этих случаях, на наш взгляд, необходимо также добиваться создания круга лиц, в том числе с участием лица, передавшего дело в программу, для решения комплексной проблемы ресоциализации ребенка. Может быть образован временный «штаб» с участием представителя школы, инспектора по делам несовершеннолетних, представителя КДН, социального работника, представителя прокуратуры и т.д. для определения стратегии работы с данным случаем и механизма ее реализации. Социальный работник может стать организатором работы такого «штаба».

²¹ «Мы часто можем предпринять восстанавливающие действия, просто задавая правонарушителям вопросы из списка, используемого ведущими формальных конференций: “Что случилось?”, “О чем ты думал в это время?”, “Кто, как ты считаешь, пострадал?”, “Как все произошедшее повлияло на них?”. Когда позволяет ситуация, мы всегда даем возможность пострадавшим от противоправных действий высказаться, выразить свои чувства, связанные со случившимся в присутствии правонарушителя. Кумулятивный

Роль социального работника в различных ПВП. Программа примирения жертвы и правонарушителя. Программы примирения жертвы и правонарушителя направлены на создание условий по преодолению последствий преступления силами самих участников криминальной ситуации. При этом с помощью ведущего:

— достигается взаимопонимание по поводу происшедшего, вызвавших его причин и последствий для потерпевшего;

— принимается и исполняется соглашение о возмещении ущерба правонарушителем, а также

— план по изменению поведения участников, лежащего в основе возникновения криминальной ситуации.

Здесь важна оценка ведущим того, насколько автономная программа примирения будет уместна и эффективна с точки зрения других факторов, влияющих на поведение и ресоциализацию подростка. Разумеется, не обязательно отрицательный прогноз приведет к отказу от запуска примирения, но он должен учитываться ведущим для принятия решения о целесообразности участия социального работника.

Другие возможные роли социального работника в ходе программ примирения возникают постольку, поскольку социальный работник специально знакомится с жизнью подростка и положением в его семье, узнает круг общения и обстоятельства обучения подростка. Так возникает роль «человека-доверителя», обладающего конфиденциальной информацией об участниках примирительной встречи и тем самым предупреждающего возможную ложь с их стороны.

Социальный работник может помочь участникам составить программу реабилитации, следить за ее выполнением (поиск работы, посещение реабилитационных программ, выполнение общественных работ и т.п.), а также следить за выполнением своим подопечным условий примирительного договора, касающегося возмещения ущерба жертве. Он может также выступить в роли консультанта всех участников встречи, рассказывая о существующих реабилитационных программах, досуговых центрах и т.п., которые соответствуют потребностям подростка-нарушителя и его семьи.

Программа примирения в семье. Такие программы необходимы в рамках ювенальной юстиции, поскольку именно в дисфункциональности семьи нередко заложены причины криминальной активности подростка. В этом случае ставится задача на преодоление разрушительных в целом для семьи взаимодействий ее членов. Кризис семьи может потребовать и более глубоких форм работы, таких, например, как семейная терапия, но программа примирения даст возможность сделать шаг членам семьи к осознанию необходимости собственных усилий и изменению стратегий поведения в ситуации. Оценка этого обстоятельства делается социальным работником на этапе предварительной диагностики и анализа.

Особую трудность в плане реализации принципов восстановительного правосудия вызывают программы примирения для подростка, совершившего, например, внутрисемейную кражу. В этой ситуации родители скорее всего не будут обращаться в милицию, хотя потерпят реальный ущерб и могут испытать все последствия виктимизации. Социальный работник в этой ситуации может обсудить с родителями стратегию их по-

эффект такого выражения чувств является гораздо более действенным, чем принятое в школах отчитывание провинившихся, чтение лекций, угрозы, оставление после уроков, временное или окончательное исключение из школы. По словам наших преподавателей, оборудование классов в наших школах для проблемных подростков обычно лучше, чем в обычных школах. Но что интересно, в наших школах редко проводятся формальные конференции. Мы пришли к выводу, что чем больше мы полагаемся на неформальную восстановительную практику в нашей повседневной жизни, тем меньше нам потом приходится использовать формальные восстановительные методы». (*Тед Ватчел*. Восстановительное правосудие в повседневной жизни: за рамками формального процесса: Пер. с англ. Архив Центра «Судебно-правовая реформа».)

ведения и предложить провести программу примирения для урегулирования возникшего конфликта и создания ситуации ответственности для подростка. Он так же мог бы подготовить участников к программе примирения, сообщить ведущему о том, уместно ли его появление, оценить вместе с ним степень автономности программы примирения.

Семейная конференция — это такая ПВП, в которой семья совместно с ребенком-правонарушителем берет ответственность за выход из криминальной ситуации и изменение его поведения. Здесь важнейшим ресурсом осуществления программы являются сохранившиеся внутрисемейные отношения. В рамках семейных конференций, которые проводятся в Новой Зеландии, социальный работник

производит подготовку конференции полностью или частично, взаимодействуя с участниками и подготавливая их, саму же конференцию проводит ведущий;

выступает от имени жертвы (если та не участвует в конференции) или в качестве поддержки жертвы, если она участвует;

выступает от имени правонарушителя в качестве его поддержки, если тот является клиентом социальной службы;

присутствует на конференции как специалист — консультант, представитель какой-либо социальной службы;

оказывает помощь семье в составлении плана по разрешению криминальной ситуации (дает рекомендации);

оказывает помощь семье в осуществлении контроля за исполнением плана²².

Круг заботы²³. Это одна из самых сложных и слабо разработанных ПВП. Такие «круги» проводятся в случаях, когда фактически разрушена или отсутствует семья. В этой ситуации необходимо создавать некоторый эквивалент первичной социальной среды, поддерживающей индивида. Ведущий «круга заботы» инициирует серию встреч с родственниками, учителями, классом, где учится подросток, или коллегами с места работы. Результатом таких встреч должно быть восстановление поддержки и заботы о подростке. Инициативы участников «круга» с помощью ведущего должны превратиться в серию взаимосвязанных мероприятий. Присутствие социального работника в таких программах обязательно. От социального работника поступает основная информация о ситуации, возможных участниках «круга». Он также следит за выполнением принятых обязательств.

Общественные и школьные конференции — это более массовые ПВП. Они необходимы тогда, когда ситуация затронула достаточно большое количество участников и необходимо нормализовать отношения между ними. Сторонами в конференции выступают группы людей или человек и группа. Достаточно стандартной причиной для проведения общественных или школьных конференций является возможность исключения ученика из учебного заведения в связи с систематическим срывом занятий или наличием прогулов. «Восстановительное правосудие, — по мнению специалистов, — в состоянии предложить лучший выход при практическом решении сложных дисциплинарных проблем, чем исключение из школы или отстранение от занятий «трудных» подростков»²⁴. Такие конференции помогают и при разрешении затяжных конфликтов между классами или между учеником и классом. Важнейшей задачей ведущего конференции является поддержка инициатив, направленных на личностный рост конфликтующих сторон. Если этого не будет, групповые интересы возьмут верх, и конференция воспроизведет обычный режим групповых взаимодействий. Исключительно важна

²² Роль социального работника на семейных конференциях в Новой Зеландии выделена на основе анализа, выполненного Ольгой Гордеевой.

²³ В последующих двух разделах использованы материалы Антона Коновалова.

²⁴ МакЭлри Ф. Конфликты в школе: решение «выигрыш-выигрыш»: Пер. с англ. Архив Центра «Судебно-правовая реформа».

здесь роль того, кто в дальнейшем поддержит все положительное, что может укрепить добрые отношения между участниками конференции (в этой роли могут выступать социальные работники, учителя или школьные психологи).

Таким образом, можно схематически выделить следующие задачи социального работника на различных этапах программ восстановительного правосудия:

1. Подготовительный этап:

А. Инициировать в необходимых случаях проведение программ восстановительного правосудия.

В. Помочь ведущему определить участников программы.

С. Понять и согласовать с ведущим свою роль в ПВП.

2. Предварительные встречи. В случае приглашения социального работника ведущим, социальному работнику нужно:

А. Понять и согласовать с ведущим свою роль в ПВП.

В. Определить возможные реабилитационные мероприятия, необходимые подростку-правонарушителю, жертве или участникам конфликта.

3. Примирительные встречи жертвы и правонарушителя, примирение в семье, семейные конференции, «круги заботы»:

А. Помочь участникам сформулировать программы реабилитации.

В. При необходимости представить участникам сведения о местных реабилитационных программах.

4. Выполнение договора:

А. Поддержка подростка в выполнении им договора и программы (поиск необходимых специалистов или реабилитационных служб, взаимодействие с ними, контроль за посещением подростком реабилитационных мероприятий, корректировка программы реабилитации, налаживание взаимодействия с учебным заведением, где учится правонарушитель, с его родственниками, друзьями и т.д.);

В. Информирование ведущего о результатах прохождения подростком реабилитационных мероприятий.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Флямер М.Г.* Социальная работа в ювенальной юстиции (методологический анализ). Архив Центра «Судебно-правовая реформа».

2. *Грасенкова А., Максудов Р.* Реализация идей восстановительного правосудия в деятельности социального работника. Архив Центра «Судебно-правовая реформа».

ПОХИТИТЕЛИ ДВЕРЕЙ²⁵

Программа примирения правонарушителей и потерпевшего. Ведущий – Анна Грасенкова, социальный работник – Ирина Сводниина.

Двое подростков (16 и 18 лет) в одном из подъездов жилого дома сняли дверь и спрятали ее в гараже; другую дверь демонтировали (вынули части из цветного металла — алюминия).

Оба совершили правонарушение впервые, на учете в ОППН не состояли. Обвинение предъявлено по ч. 2 п. «а», «б» ст. 158 УК РФ. На программу примирения в Центр СПР дело поступило через социального работника из Черемушкинского межмуниципального суда г. Москвы.

Подростки согласились принять участие в примирении с потерпевшей стороной, признав свою неправоту и желая каким-то образом возместить нанесенный материальный ущерб.

Потерпевшей стороной и истцом по гражданскому иску признан ГУРЭП²⁶ №51 района «Новые Черемушки». По установленному в таких организациях порядку предполагалось, что представлять потерпевшую сторону будет юридическая служба. Но ведущий программы примирения и социальный работник, зная из опыта, что юридические службы не заинтересованы в каких-либо реабилитационных мероприятиях по отношению к подросткам и тем более не могут искренне и эмоционально описать последствия совершенного деяния, значимые для реального материально-ответственного лица, каковым в данном случае была директор ГУРЭП, предложили именно директору участвовать в примирительной встрече. Директор ГУРЭП, Лариса Федоровна К., первоначально не имела желания разбираться в ситуации и общаться с подростками («таких дел с кражей дверей у меня проходит уже шесть, и я устала от постоянного общения с судами и представителями правоохранительных органов»).

Однако А. Грасенковой, ведущей программы, удалось представить ситуацию с другой точки зрения. Важным было не только объяснение того, что ведущие примирительных встреч не представляют правоохранительные или судебные органы, но и пояснение самой процедуры примирения — ее значения для ГУРЭП и лично Ларисы Федоровны, равно как и для дальнейшего исправления подростков. Поскольку главным для директора было восстановление дверей, а также нежелание связываться с судом и заявлять гражданский иск²⁷, тратя на это время и силы, ведущая смогла ответить на эти ее потребности, предложив процедуру примирения как возможность достичь и того и другого. Заранее предусмотрев, что в случае согласия потерпевшей стороны на примирение желательно сразу же вслед провести саму примирительную встречу (поскольку

²⁵ Архив Центра «СПР»

²⁶ Государственное унитарное ремонтно-эксплуатационное предприятие.

²⁷ Заявленный гражданский иск в процессе судебного разбирательства может быть удовлетворен судьей по уголовным делам. И тогда вступает в ход обычный порядок его удовлетворения: в дом к несовершеннолетним ответчикам приходит судебный исполнитель, описывает дорогостоящее имущество, стоимость которого может покрыть сумму гражданского иска, и ответчик в течение некоторого, часто достаточно длительного времени (зависит от суммы гражданского иска) выплачивает иск потерпевшему. В случае, если иск подается не в судебном заседании, а после него, его рассматривает судья по гражданским делам, и истцом за подачу иска выплачивается немалая госпошлина. Соответственно, истец имеет возможность взвесить все «за» и «против» гражданского иска и принять необходимое решение.

общение с официальными структурами часто затруднено из-за занятости их руководства), ведущая пригласила в ГУРЭП и подростков-правонарушителей, которые во время предварительной беседы сотрудников Центра с Ларисой Федоровной ожидали в коридоре. В результате возникла возможность провести примирительную встречу сразу же, не откладывая на другое время. Это было удобно и для директора ГУРЭП, которая перед предварительной встречей просила не занимать у нее много времени.

На примирительной встрече директор поначалу была настроена против подростков и вела себя довольно агрессивно. С самого начала, описав последствия совершенного подростками для ГУРЭП и для нее как директора, Лариса Федоровна заявила о материальных претензиях. Отец одного из мальчиков подхватил эту тему, и они вдвоем стали обсуждать вопрос возмещения ущерба. Но ведущая «перевела стрелку» с вопроса о возмещении ущерба на вопрос о причинах происшедшего («Я считаю очень важным обсуждение того, как будет происходить установка двери и кто в этом будет участвовать, и мы обязательно к этому вернемся. Но сейчас мне хотелось бы следовать немножко другой логике. Важно понять, почему ребята сняли дверь. Что вами двигало? Зачем вам была нужна дверь? Что вы с ней собирались делать?» и т.д.) Таким образом, в центре внимания оказались причины правонарушения и вопрос о будущем: что необходимо сделать, чтобы ребята больше не совершали подобного.

Выяснилось, что подросткам были нужны деньги, которые они предполагали получить, продав алюминиевые части двери в пункте сдачи цветных металлов. Один из ребят хотел сдать экзамены на права, другой — помочь семье (престарелый и выпивающий отец получает только пенсию, мама умерла, а старшая сестра не работает, потому что сидит с маленьким ребенком).

В ходе встречи отношение Ларисы Федоровны к подросткам стало меняться, появились сочувствие и забота об их будущем («...Теперь я вижу, что вы не злодеи, а нормальные мальчики, и думаю, это стало для вас уроком...»). Если во время предварительной беседы с ведущей программы директор и слышать не хотела о том, чтобы взять ребят к себе на работу, то на примирительной встрече сама предложила им поработать у нее дворниками. Ребята от предложения отказались, но решили, что летом найдут себе работу.

Примирительную встречу пришлось разделить на два этапа. На первом не удалось принять примирительный договор, поскольку, чтобы решить вопрос о способе возмещения ущерба, нужно было выяснить, где находится украденная дверь, которая милицией была изъята из гаража.

Ведущая вместе с социальным работником и правонарушителями отправились к следователю, ведшему ранее это дело. Тот проинформировал, что дверь осталась в милиции, представители ГУРЭП ее еще не забрали. Ведущая и социальный работник обратились к ответственной за возврат двери технику Ш-вой. Дальше ребята вместе с отцом одного из них установили первую дверь, смонтировали, установили и покрасили разобранными ими вторую дверь. (В дальнейшем в судебном заседании техник Ш-ва во время допроса сказала, что ущерб не только полностью возмещен, но дверь стала даже лучше, чем была, и претензий к нарушителям ГУРЭП не имеет.)

После установки дверей произошла вторая встреча с директором, на которой сторонами был подписан примирительный договор, где был указан не только порядок возмещения ущерба, но и то, что все работы по его возмещению уже выполнены. На договоре директор поставила печать своей организации. И снова повторила свое предложение, сказав, что если нужны будут деньги, она всегда готова взять ребят к себе дворниками с зарплатой 2000 рублей в месяц²⁸.

²⁸ В дальнейшем ребята не воспользовались ее предложением, так как их устроил к себе на работу отец одного из них.

За день до суда к судье, рассматривающей это дело, пришло уведомление из ОППН об административном правонарушении одного из этих подростков. Уже после возбуждения уголовного дела по поводу кражи двери он был задержан милицией в нетрезвом состоянии, по поводу чего был составлен протокол. В уведомлении инспектор просил судью об изменении ему в связи этим меры пресечения. Над этим подростком взял шефство представитель спортивного педколлектива, куда тот собирался поступать. Спортсмен заверил ведущего, что все сделает для того, чтобы тот поступил учиться в это учебное заведение («...Считайте, что уже поступил»), будет контролировать его поведение и возьмет его на работу тренировать маленьких футболистов. Заработная плата ему обещается 2000 рублей в месяц.

В судебном заседании адвокат одного из подростков ходатайствовал о приобщении примирительного договора к материалам уголовного дела. Был заслушан социальный работник, сообщивший о ходе и результатах программы примирения, а также о том, как подростки собираются зарабатывать деньги, о предполагаемом шефстве тренера спортколлектива. Социальный работник в попросила не применять к подросткам меру наказания, связанную с лишением свободы. Примирительный договор приобщен судом к материалам дела. Вынесен обвинительный приговор, к которому была применена амнистия.

Материал подготовлен Анной Грасенковой

Поскольку Центр «Судебно-правовая реформа» довольно много внимания уделяет переводам зарубежной литературы по проблематике восстановительного правосудия, мы оказались в непростой ситуации выбора материала для публикации в данной рубрике. Мотивом окончательного решения стал аргумент, что для всех нас — тех, кто только начинает в России работу по реализации идей некарательного подхода к уголовным правонарушениям, — весьма поучительным является не только опыт стран, где сравнительно давно и успешно реализуются эти идеи, но и наших «братьев» по бывшему социалистическому лагерю, с которыми мы оказались примерно в сходной ситуации. В этом плане чешский опыт становления службы пробации в уголовном правосудии, которая взяла на себя функции социальной работы с правонарушителями и примирения, представляет бесспорный интерес.

ИНФОРМАЦИЯ О СЛУЖБЕ ПРОБАЦИИ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(Прага, январь 1997)²⁹

I. Введение

Начиная с ноября 1989 г. в жизни Чешской Республики происходят важнейшие социально-экономические перемены, влияние которых сказалось также и на карательной политике, и на правовом регулировании. После ноября 1989 г. было принято несколько частичных поправок, которые позволили привести уголовное право в соответствие с демократическими принципами. В последующие годы началась работа по общей рекодификации уголовного права, которая продолжится и в 1998 г.

Поиск эффективных инструментов борьбы с ростом преступности и стремление привести концепцию карательной политики в Чехии в соответствие с тенденциями ее развития в Западной Европе выдвигают на первый план вопросы, связанные с применением статей, относящихся к сфере уголовного права. В фокусе внимания находится обсуждение проблем эффективности традиционной, по сути репрессивной, системы санкций, применяемой в Чешской Республике. Признание того факта, что наказание в виде заключения в места лишения свободы не выполняет предназначенную функцию, заставляет искать альтернативы как такому виду наказания, так и классическим способам уголовного судопроизводства в целом.

Поправки к Уголовному кодексу (Акт № 292/1993 и 152/1995), принятые в 1993 и 1995 годах, касались среди прочих вопросов и альтернативных способов осуществления уголовного судопроизводства. Основные изменения традиционной уголовной практики — введение института приостановления уголовного преследования (статьи 307, 308 Уголовного кодекса, вступившие в силу 1 января 1994 г.), а также института примирения (*settlement*) между пострадавшим и правонарушителем (ст. 309–314 Уголовного кодекса), который стал действовать с 1 сентября 1995 г. — привели к необходимости создания службы пробации. Поправка, введенная в Уголовный кодекс в 1995 г., добавила к существующей системе новый вид наказания, а именно — общественные работы (ст. 45, 45-а и ст. 335–340 Уголовного кодекса, действующие с 1 января 1995 г.).

Учитывая основные тенденции карательной политики в развитых странах, рекомендации Совета Европы и потребность эффективно применять на практике новые методы уголовного судопроизводства, в Чешской Республике началось внедрение службы пробации.

²⁹ Материал передан нашему Центру представителем чешской некоммерческой общественной организации «Ассоциация развития социальной работы в уголовной юстиции» Ленкой Урядниковой. Перевод с англ. Е. Логдаревой, 1998 г., выполнен в рамках общей работы Центра по формированию библиотеки материалов по восстановительному правосудию. — *Прим. ред.*

Создание и внедрение службы пробации осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства № 341, принятым в 1994 г., которое дает полномочия Министерству юстиции Чешской Республики на создание подобной службы в рамках Программы социальной превенции и предотвращения правонарушений³⁰. Работая в этом направлении, Министерство юстиции ввело с 1 января 1996 г. должности сотрудников службы пробации во все региональные и районные суды Чехии. Сотрудники службы пробации являются служащими соответствующих судов; с точки зрения организационной структуры они — сотрудники администрации и получают зарплату из бюджета Министерства юстиции, причем в зависимости от имеющейся нагрузки могут работать как полный, так и неполный рабочий день.

II. Деятельность сотрудников службы пробации

По прошествии года с начала внедрения этой функции выяснилось, что новая практика работы различных судов Чехии единообразия не достигла. Совершенно очевидно, что институт пробации, повсеместно введенный в Чешской Республике, изначально не был достаточно проработан в организационном смысле. Отсутствие соответствующей законодательной базы для регламентации работы сотрудников службы пробации и утвержденной концепции пробации и службы примирения затрудняет как внедрение института пробации, так и осуществление функции примирения в отдельных судах. Кроме того, не определены квалификация и умения, которыми должен обладать сотрудник службы пробации. И открытым остается вопрос, должны ли службы пробации развиваться как полноценная социальная работа, специализирующаяся в сфере уголовного судопроизводства и требующая четкого определения области компетенции, или же они должны осуществлять обычную административную деятельность. В настоящее время в большинстве судов на должность сотрудника службы пробации ставятся работники канцелярий суда, совмещающие эту функцию с текущей нагрузкой административного характера. Поскольку такая административная нагрузка сама по себе достаточно велика, функции пробации выполняются лишь как дополнительные и, как правило, сводятся к заботе об административных и технических аспектах устройства правонарушителя на работу. Таким образом, должность сотрудника службы пробации существует в большей части судов чисто формально, а в ряде случаев и вообще не заполнена.

Более широкая концепция службы пробации получает распространение в судах, принимающих на работу выпускников университетов по соответствующим специальностям, имеющих искренний интерес к такой работе, людей, обладающих необходимыми знаниями и умениями как в области социальной работы, так и права. Примером могут служить около 10 судов, находящихся главным образом в Праге, где сотрудники службы пробации выполняют следующие функции.

1. Примирение как альтернативный способ разрешения конфликта

Сотрудник службы пробации при разрешении уголовного дела работает в качестве ведущего (медиатора) в процедурах примирения между правонарушителем и пострадавшим. По просьбе судьи сотрудник службы пробации информирует потерпевшую сторону и правонарушителя о возможности применения альтернативного метода разрешения конфликта и подготавливает их встречу. Целью личной встречи между правонарушителем и жертвой преступления является разрешение возникшего между ними конфликта. Это помогает наладить отношения между сторонами, смягчить последствия совершенного правонарушения, разрешить конфликт и заключить договор о компенса-

³⁰ Программа социальной превенции и предотвращения правонарушений: существующая ситуация и основные направления работы на 1996 г.

ции причиненного ущерба, приемлемый и с точки зрения интересов общества. Позиция сотрудника службы пробации как медиатора в данном процессе строго нейтральна (беспристрастна), в одинаковой мере уважаются обе стороны.

Материалы, полученные сотрудником службы пробации во время встреч и обсуждений с участвующими в деле сторонами, передаются судье и могут послужить основанием для вынесения судом решения об отсрочке применения карательной санкции, примирении между сторонами или какого-либо другого решения.

Важная роль медиации заключается, помимо всего прочего, в возможности вовлечения всех участвующих в конфликте сторон в процесс его разрешения: усиливается роль потерпевшего как участника процесса, чьи права максимально удовлетворяются, одновременно в разрешении конфликта активно участвует и сам правонарушитель. Примирение дает потерпевшей стороне возможность принять активное участие в решении вопроса о компенсации ущерба, будь то финансовое или моральное удовлетворение. С другой стороны, и правонарушитель получает возможность участвовать в решении уголовного дела, осмыслить последствия своего поведения и взять на себя ответственность за него.

А. Урегулирование (примирение) (settlement) между потерпевшим и правонарушителем (ст. 309–314 Уголовного кодекса)

Новый институт примирения (settlement) (между потерпевшим и правонарушителем) регламентируется ст. 309–314 Уголовного кодекса. Институт примирения — один из способов выведения правонарушителя из системы уголовного судопроизводства. Примирение возможно как на этапе судебного разбирательства, так и на подготовительном этапе, когда обвинитель в суде обладает полномочиями на внесение соответствующего предложения. Институт урегулирования (примирения) используется в тех случаях, когда государство не имеет явного интереса в применении уголовной санкции и отдает предпочтение заключению договора между правонарушителем и потерпевшим. Возможность примирения может быть одобрена судом в тех случаях, когда правонарушение не носит тяжелого характера с точки зрения социальных последствий, и при условии, если сам правонарушитель признает себя виновным в предъявленном обвинении. Он/она должен предпринять необходимые шаги для возмещения (компенсации) ущерба, причиненного его/ее действиями, и должен быть готов внести соответствующий материальный (финансовый) вклад для использования на нужды сообщества (ст. 312 Уголовного кодекса).

Если обвиняемый признает себя виновным до суда, то он/она может возместить потерпевшей стороне причиненный ущерб или же предпринять другие шаги, способные привести к исправлению последствий его/ее действий, искупить вину каким-либо другим способом. Если он/она вносит на банковский счет суда определенную денежную сумму на нужды сообщества, предназначенную для конкретного бенефициария (правом определить которого обладает сам правонарушитель), суд, с согласия правонарушителя и потерпевшей стороны, может принять решение, санкционирующее применение института примирения. Суд вправе поступить таким образом, если усматривает возможность применения подобного действия с учетом степени тяжести конкретного преступления и при отсутствии сомнения в искренности заявления правонарушителя, т.е. принимая во внимание такие факторы, как личные качества правонарушителя, его/ее материальное положение и степень воздействия правонарушения на интересы государства. Прежде чем принять решение о примирении, суд должен заслушать правонарушителя, а также потерпевшую сторону. Принимая решение о применении института примирения, суд тем самым выносит решение о приостановлении уголовного преследования. Денежная сумма, которую правонарушитель вносит на благо сообщества, может быть передана муниципалитету или другим юридическим лицам, находя-

щимся на территории Чешской Республики, и использована на нужды образования, обучения, окружающей среды, на социальные, гуманитарные или какие-либо другие потребности. Точный список возможных бенефициариев определяется законом.

Б. Приостановление уголовного преследования (ст. 307–308 Уголовного кодекса)

Как и институт примирения, приостановление уголовного преследования является заменой уголовной ответственности на альтернативный вид исправительного воздействия. Приостановление уголовного преследования регламентируется ст. 307, 308 Уголовного кодекса. Соответствующее решение находится в рамках юрисдикции обвинения и суда.

Для принятия подобного решения в соответствии с вышеуказанными статьями Уголовного кодекса необходимо соблюдение ряда условий.

1. Совершенное преступление соответствует наказанию в виде лишения свободы сроком до пяти лет.

2. Правонарушитель признает себя виновным в предъявленном обвинении.

3. Правонарушитель должен компенсировать ущерб, причиненный его/ее действием (или, как минимум, заключить договор с потерпевшим о компенсации ущерба либо предпринять другие шаги для заглаживания нанесенного вреда).

4. Правонарушитель дает согласие на проведение процедуры в соответствии с ст. 307 Уголовного кодекса.

Если все необходимые правовые условия соблюдены, государственный обвинитель или судья, принимая решение о приостановлении уголовного преследования, определяет продолжительность срока probation (от 6 до 24 месяцев). Обвинитель или судья могут также принять решение о наложении так называемых соответствующих (разумно необходимых, обоснованных) ограничений (например, в виде probationного надзора). И обвиняемый, и потерпевший, и государственный обвинитель имеют право подать апелляцию на решение о приостановлении уголовного преследования.

Если на протяжении срока probation правонарушитель ведет законопослушный, порядочный, нормальный образ жизни и выполняет наложенные ограничения, орган, издавший постановление о приостановлении уголовного преследования, определяет, смог ли правонарушитель оправдать себя в течение этого срока (с момента легализации решения об оправдании уголовный иск отменяется). Если правонарушитель не смог оправдать себя, уголовное преследование может возобновиться.

В рамках института приостановления уголовного преследования сотрудник службы probation выполняет две функции:

а) как и в рамках института примирения, сотрудник службы probation проводит медиацию (процедуру примирения) конфликта между правонарушителем и потерпевшим и помогает сторонам заключить договор о возмещении причиненного ущерба;

б) если принято решение (постановление) о приостановлении уголовного преследования, от правонарушителя может потребоваться, в рамках разумных пределов, поддерживать контакт с сотрудником службы probation на протяжении всего срока probation (ст. 307 пар. 4 Уголовного кодекса) и подчиняться probationному надзору, который включает как элементы социально-психологической поддержки, так и элементы руководства и контроля.

2. Пробация (probationный надзор)

Не существует четкой законодательной регламентации так называемого probationного надзора — соответствующие правовые положения должны быть включены в общую рекодификацию уголовного права. В настоящий момент применение probationного надзора основано на ст. 59/2 Уголовного кодекса. В соответствии с этим разделом, если суд принимает решение о приостановлении исполнения приговора о лишении

свободы и определяет для правонарушителя срок probation длительностью от одного года до пяти лет, суд может также наложить соответствующие (разумно необходимые) ограничения, чтобы заставить правонарушителя вести правильный, законопослушный образ жизни и таким образом оправдать себя в течение срока probation. Одним из подобных ограничений является probationный надзор.

Сотрудник службы probation, отвечающий за такой надзор, должен обеспечить социально-психологическую помощь правонарушителю, контролируя при этом его поведение и осуществляя экспертное руководство. Это направлено на то, чтобы создать условия, при которых правонарушитель способен справиться со своей жизненной ситуацией, не вступая в противоречие с законом и не нарушая интересов общества.

3. Приостановление содержания под стражей (ст. 73 Уголовного кодекса)

Приостановление содержания под стражей, которое в чешской терминологии называется «своевременной помощью», предполагает совместную работу сотрудника службы probation и правонарушителя на стадии, предшествующей осуждению. В ряде случаев она является альтернативой тому, чтобы, с одной стороны, вернуть правонарушителя под стражу, с другой — просто позволить ему наслаждаться неограниченной свободой.

Использование в подобных случаях сотрудника службы probation возможно на основании толкования ст. 73 пар. 1-б Уголовного кодекса, в соответствии с которым, если правонарушитель дает письменное обязательство вести достойный, порядочный, законопослушный образ жизни, выполнять свои обязанности и соблюдать предписанные разумно необходимые ограничения, судья, на основании оценки личности правонарушителя и учитывая природу правонарушения, может издать постановление об освобождении правонарушителя из-под под стражи. В рамках разумно необходимых ограничений суд может потребовать, чтобы после освобождения из-под стражи и до объявления окончательного приговора правонарушитель мог являться по вызову сотрудника службы probation соответствующего суда. Приостановление действия такого решения и возвращение правонарушителя под стражу допускается только при наличии причин для содержания под стражей, оговоренных в ст. 67-а или 67-с Уголовного кодекса.

В этом случае функции сотрудника службы probation аналогичны тем, что выполняются им во время probationного надзора, хотя и осуществляются до вынесения окончательного решения суда. Работа сотрудника службы probation заключается в том, чтобы осуществлять контроль за поведением правонарушителя, за соблюдением им обязательств, принятых во время предварительной стадии судопроизводства, в том, чтобы помочь правонарушителю вернуться к нормальной жизни и не нарушать закон. Подобная «своевременная помощь» позволяет сотруднику службы probation установить тесный контакт с правонарушителем еще на раннем этапе уголовного судопроизводства, осуществить задачи профилактики и просвещения, что особенно важно в отношении малолетних и несовершеннолетних преступников.

Чтобы суметь оказать такую «своевременную помощь», сотрудник службы probation изучает семейное и социальное положение правонарушителя. На основании собранной информации в сотрудничестве с клиентом он составляет отчет с описанием социального положения правонарушителя и того положения, в котором тот находится в настоящий момент. Отчет передается в суд и служит одним из материалов для принятия судебного решения.

4. Помощь до вынесения приговора (сбор данных о личности правонарушителя, его социальном положении, которые могут быть использованы в качестве материалов при вынесении судебного решения)

В соответствии со ст. 292 Уголовного кодекса ведение уголовного судопроизводства против несовершеннолетнего правонарушителя требует, чтобы суд располагал

информацией о положении правонарушителя, т.е. о его семье, поведении до совершения преступления, о характере и уровне его интеллектуального развития и моральном облике. Это нужно суду для того, чтобы подготовить информацию по всем обстоятельствам, которые могут быть значимыми для принятия судебного решения и выбора наиболее подходящей меры наказания. Как правило, суд назначает для сбора данных молодого сотрудника службы социального обеспечения, однако такую работу может выполнять и помощник суда (социальный работник, сотрудник службы пробации) по просьбе председателя суда. Сотрудники службы пробации (социальные работники) имеют дело не только с несовершеннолетними правонарушителями, но также и с малолетними правонарушителями и со взрослыми преступниками. Поэтому их работа дополняет работу попечительских служб.

Выполняя эти обязанности, сотрудники службы пробации (социальные работники, помощники суда) стараются получить информацию о личности правонарушителя, его семье, социальном и служебном положении. Сначала они встречаются с самим правонарушителем и, лишь заручившись его согласием, приступают к сбору информации. Собранные сведения фиксируются в отчете, который включает экспертную оценку социального положения и условий жизни правонарушителя. Этот отчет передается в суд и служит дополнительным материалом, используемым при принятии судебного решения. Работа сотрудников службы пробации (в качестве помощников суда) способствует созданию индивидуального подхода судов к принятию решений относительно наиболее подходящей меры наказания или типа исправительного учреждения, а также служит методом просвещения преступников.

5. Выполнение общественных работ

Предписание общественных работ (службы в сообществе) в качестве меры наказания регламентируется ст. 45–45-а и ст. 335–340 Уголовного кодекса. Суд может определить такую меру наказания даже без согласия осужденного в случае, если по закону он может быть осужден на срок до пяти лет лишения свободы. Эта мера наказания является альтернативой тюремному заключению и может присуждаться как в качестве единственной санкции, так и в сочетании с другими (например, денежной санкцией, запретом и т.д.). Такое наказание может включать от 50 до 400 часов обязательной работы на благо местного сообщества или в интересах общества. Осужденный должен отбывать повинность как можно ближе к месту своего постоянного проживания, причем эту работу он должен выполнять в свое свободное время, не получая за нее никакой оплаты, и отработать назначенное количество часов максимум в течение одного года со дня назначения наказания. На время выполнения общественной службы суд может предписать осужденному правонарушителю разумно необходимые ограничения, чтобы заставить его вести законопослушный образ жизни, а также, как правило, обязать его компенсировать ущерб, причиненный его правонарушением. Если правонарушитель по собственной вине не сможет приступить к выполнению обязательной общественной повинности или не будет выполнять ее должным образом, суд может принять решение о замене приговора к общественной повинности на тюремное заключение, при этом каждые два часа невыполнения работы приравниваются к одному дню заключения.

Карательная мера в виде обязательной общественной повинности обычно выполняется в том районе (подведомственном соответствующему суду), где находится место постоянного проживания данного правонарушителя. При согласии на то правонарушителя, он может отбывать повинность и в другом месте. После вступления в силу приговора (судебного постановления), сотрудник службы пробации обсуждает с правонарушителем условия исполнения наказания. Сотрудник службы пробации должен выяснить, нет ли каких-либо обстоятельств, препятствующих выполнению такой повинности, связанных, например, с состоянием здоровья осужденного, временными ограни-

чениями, отсутствием транспорта и т.п., а также проинформировать осужденного о его правах и обязанностях во время исполнения наказания. Затем сотрудник службы пробации подготавливает материалы, чтобы суд мог принять решение о конкретном месте выполнения работ и типе общественной повинности, которая будет предписана осужденному в зависимости от потребностей соответствующего органа районного управления (самоуправления).

Пока осужденный отбывает наказание (в виде обязательной общественной повинности), сотрудник службы пробации находится в контакте с соответствующим органом местного самоуправления, в чьем районе осужденный выполняет общественные работы, и, при необходимости, подготавливает для суда материалы для рассмотрения вопроса о том, чтобы отложить или приостановить выполнение повинности (ст. 339 Уголовного кодекса), воздержаться от этого (ст. 340 Уголовного кодекса) или изменить меру наказания (ст. 340-б) Уголовного кодекса). До принятия судебного решения по просьбе суда сотрудник службы пробации может также проанализировать, насколько обязательная общественная повинность подходит для данного осужденного с точки зрения его здоровья, социального или семейного положения. В течение всего срока исполнения такого наказания сотрудник службы пробации интенсивно работает с осужденным, которому в рамках разумно необходимых ограничений в соответствии со ст. 45-а пар. 1 Уголовного кодекса предписывается взаимодействовать с сотрудником службы пробации соответствующего суда в период выполнения предписанных работ. Задача такого взаимодействия состоит в том, чтобы заставить осужденного вести правильную, законопослушную жизнь и возмещать причиненный им ущерб.

III. Ассоциация по развитию социальной работы в области уголовного судопроизводства

Внедрение служб пробации и примирения в Чешской Республике тесно связано с деятельностью Ассоциации по развитию социальной работы в области уголовного судопроизводства (на чешском она сокращенно называется «SPJ»). Ассоциация является неправительственной общественной организацией (фондом), которая была основана в мае 1994 года студентами и преподавателями отделения социальной работы философского факультета университета Чарльза в Праге. В состав ее членов входят социальные работники, юристы, психологи и специалисты других смежных дисциплин. Работа Ассоциации сосредоточена на внедрении новых альтернативных подходов и методов работы с клиентами, подлежащими ответственности в уголовно-правовом порядке или осужденными за уголовные преступления.

За время существования Ассоциация провела ряд мероприятий, благодаря которым ей удалось инициировать обсуждение проблем карательной политики, которые до того находились вне сферы общественных интересов. Например, члены Ассоциации разработали конкретные проекты, касающиеся деятельности социальных работников (проект внесудебных переговоров — примирения между потерпевшим и правонарушителем, проект оказания помощи до вынесения приговора, пробационной службы, т.е. работы во время пробационного периода с правонарушителями, отбывающими пробацию). В 1994 году эти проекты были представлены Министерству юстиции Чешской Республики в качестве основы для учреждения должностей сотрудников службы пробации и определения их функций. Кроме того, члены Ассоциации направили в Министерство Юстиции предложение об организационной системе службы пробации и постепенном экспериментальном внедрении этой службы в судебную систему Чешской Республики. Члены Ассоциации выдвинули также ряд замечаний к проекту поправок к Уголовному кодексу и закону об уголовном судопроизводстве (поправка № 152.2952).

Финансирование работы Ассоциации осуществляется за счет грантов, полученных от Фонда развития гражданского общества, который осуществляет поддержку микро-

проектов в Чехии посредством фондов программы PHARE. Ассоциации удалось получить от этого фонда финансирование четырех проектов. Первые три проекта, стартовавшие под общим названием «Развитие социальной работы в уголовном правосудии: популяризация новых направлений, экспериментальная проверка, институционализация I–III», были направлены на информирование специалистов и общественности в целом о новых формах разрешения уголовных дел. Задача четвертого проекта — «Примирение как альтернативный метод разрешения конфликта» — заключается в переводе, публикации и распространении работ американского специалиста Леонарда Л. Рискина, посвященных проблеме примирения.

Ассоциация стремится информировать специалистов об альтернативных способах решения уголовных дел и о возможностях применения социальной работы в уголовном судопроизводстве. Ассоциация поддерживает контакты с чешскими и иностранными экспертами и организует стажировки и командировки специалистов с целью изучения опыта. Ассоциация организует семинары, мастерские и рабочие встречи с целью распространения среди специалистов и широкой общественности информации о возможностях работы сотрудников службы пробации (социальных работников), о значении и задачах этой службы и ее потенциальном воздействии на эффективность работы пенитенциарной системы. В марте 1995 г. в Праге под эгидой кабинета президента Чешской Республики была проведена международная конференция, посвященная обсуждению возможностей применения социальной работы в уголовном правосудии. Совместно с Верховным Судом Чешской Республики, Министерством юстиции Чехии и DBH (Deutsche Bewahrungs-Gerichts- und Straffallenghife) в ноябре 1995 г. Ассоциация провела в Срни (в Богемии) международный семинар «Некоторые вопросы, связанные с поправками к Уголовному кодексу». Материалы семинара и конференции были опубликованы в сборниках.

В январе 1996 г. восемь членов Ассоциации стали работать в качестве сотрудников службы пробации в судах Праги и Центральной Богемии. Практическая реализация проектов, разработанных Ассоциацией, является важнейшей задачей ее членов. Ассоциация продолжает работу по популяризации социальной работы в уголовном правосудии и новых форм профилактики преступности и решения конфликтов. Кроме того, она вносит большой вклад в развитие концепции службы пробации и защищает профессиональные интересы сотрудников этой службы. Ассоциация стремится углублять контакты с чешскими и иностранными экспертами, организует семинары и рабочие встречи. Задача ассоциации заключается в развитии и распространении опыта сотрудников службы пробации и примирения и в стимулировании интереса к этому новому, зарождающемуся виду деятельности. Например, в октябре 1996 г. Ассоциация организовала семинар «Применение института примирения в ФРГ». Ассоциация сотрудничает с Союзом Судей Чешской Республики, отделением социальной работы философского факультета университета Чарльза, Чешским центром переговоров и разрешения конфликтов, Институтом системного опыта. Ведущими зарубежными партнерами Ассоциации являются DBH (Deutsche Bewahrungs-Gerichts- und Straffallenghilfe e. V) и AGB (Arbeitsgemeinschaft Deutscher gerichtshelfer).

РАБОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

Под данной рубрикой мы будем публиковать документы, разработанные Центром СПР в ходе работы во введении программ восстановительного правосудия в практику уголовного судопроизводства и деятельность Комиссий по делам несовершеннолетних. Документы носят рабочий характер. Они служат основой для организации нашей деятельности, однако в дальнейшем в ходе реализации на основе анализа новой практики могут быть откорректированы. Материалы, публикуемые в данной рубрике, могут оказаться весьма полезными и использоваться теми, кто начинает подобную работу. Убежденность в том, что программы восстановительного правосудия вполне возможны и, следовательно, могут быть воспроизведены в разных ситуациях, на наш взгляд, важно для тех (читателей), кто сегодня знакомится с концепцией восстановительного правосудия и приступает к освоению соответствующей деятельности

Публикуемый в данном выпуске «Юридический алгоритм осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних» предваряется комментарием, имеющим целью задание контекстов, необходимых для понимания предпосылок создания и условий употребления данного документа.

ОПЫТ ЦЕНТРА СПР ПО ВКЛЮЧЕНИЮ ПРОЦЕДУР ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ (комментарий к алгоритму)

Программа примирения потерпевшего и обвиняемого была первой программой восстановительного правосудия Центра¹. В 1997–1998 годах соответствующая идея получила свою разработку², а первый случай был направлен следователями милиции на примирение в Таганском районе г.Москвы 10 сентября 1998 г.

Главная идея такой программы — осуществить решение криминальной ситуации силами самих ее участников на основе проведения специальным образом организуемой встречи между ними. На такой встрече («лицом к лицу») правонарушитель и жертва преступления получают возможность, возможно впервые, вступить в нормальный человеческий контакт. Обычно такая встреча проходит по добровольному согласию сторон. Ход встречи обеспечивается присутствием нейтрального лица (ведущего), которое создает условия для конструктивного диалога и достижения взаимоприемлемого соглашения. При этом:

достигается взаимопонимание по поводу происшедшего, его причин и последствий для потерпевшего;

разрабатывается и исполняется соглашение о возмещении вреда;

разрабатываются и исполняются планы по изменению поведения участников, приведшего к возникновению криминальной ситуации.

¹ Помимо программы примирения потерпевшего и обвиняемого в восстановительном подходе используется и ряд других типов программ: примирение в семье, семейная конференция, круг заботы и пр. (См.: *Максудов Р.Р., Флямер М.Г.* Программы восстановительного правосудия и социальная работа... в наст. «Вестнике»).

² В этой разработке принимали участие довольно много различных специалистов. Из сотрудников Центра СПР следует указать на Р. Максудова, из привлекавшихся экспертов — на к.ю.н. С.А. Пашина и Е.В.Кретьова. В разработке организационных документов принимали участие сотрудники Генеральной прокуратуры РФ — Полякова А.И., Воронов А.Д., Соломонова В.А. (Более подробно с концепцией восстановительного правосудия можно познакомиться по работе: *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание; а с разработкой программы примирения потерпевшего и несовершеннолетнего обвиняемого по работам: *Максудов Р., Флямер М., Грасенкова А.* Институт примирения в уголовном процессе: необходимость и условия развития // *Правозащитник №2, 1998; Максудов Р., Флямер М.* Примирение в уголовном правосудии России. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.)

Соглашение о возмещении вреда и планы изменения поведения фиксируются в примирительном договоре, который в дальнейшем может приобщаться к уголовному делу.

Начиная с конца 1998 г. в Центре СПР были начаты (и в большинстве полностью проведены и завершены) различные восстановительные программы по **43 случаям** конфликтных и/или криминальных ситуаций. Из них **11** случаев проходили в связи с уголовными делами, т.е. в рамках программы примирения потерпевшего и несовершеннолетнего обвиняемого.

Задача настоящего комментария состоит в том, чтобы представить опыт организации и, отчасти, проведения подобного типа программ.

Есть три главных обстоятельства, которые нужно учитывать при знакомстве с этим опытом Центра.

Первое. При разработке программы примирения в уголовном правосудии мы исходили из уже заданного прототипа восстановительной программы, известного из литературы как Victim Offender Reconciliation Program (Программы примирения жертвы и правонарушителя). Для нас это был наиболее разработанный и описанный прототип, над реализацией которого мы и собирались работать. Книга Ховарда Зера «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание», переведенная и изданная нашим Центром в 1998 году и активно изучавшаяся в то время, и была основным источником, где этот прототип содержательно раскрывался. Поэтому при изучении представленного здесь материала необходимо, чтобы читатель уже был знаком с концепцией восстановительного правосудия и владел общим пониманием хода программы примирения жертвы и правонарушителя. Другим важным источником наших представлений о том, как может выглядеть реализация программы примирения жертвы и правонарушителя, были материалы американского специалиста по восстановительному правосудию Эрика Шенка. В частности, он передал нам используемый в одном из мест США бланк примирительного договора.

Второе. Особенность этой программы, отражающаяся и в ее названии, состоит в том, что мы создавали ее для *официального уголовного процесса в России*. Причем не какого-то будущего процесса, а такого, как он есть сегодня в рамках действующего законодательства. Мы стремились к реализации принципов восстановительного правосудия уже сегодня, а не когда-нибудь потом, после принятия правильных законодательных поправок. Термины «потерпевший» и «обвиняемый» в названии этой программы как раз и указывают на это обстоятельство, поскольку взяты из действующего уголовно-процессуального и уголовного законодательства, где понятие потерпевшего значительно отличается от понятия жертвы (преступления) в международном праве. Особенности работы по организации программы были связаны с необходимостью принорочиться к деятельности правоохранительных органов и ходу уголовного процесса.

Третье обстоятельство состоит в том, что мы поставили себе ограничение — работать только с делами несовершеннолетних правонарушителей. Это было хотя и несколько искусственное, но все же существенное ограничение. Именно специфика дел несовершеннолетних сделала реалистичной организацию программы по уголовному делу, и пока ни одного случая примирения потерпевшего с совершеннолетним обвиняемым в Центре СПР нет. Более того, сама организация программы для взрослых обвиняемых до сих пор не разработана с учетом российского законодательства.

Одним из документов, определяющих организацию программы примирения потерпевшего и несовершеннолетнего обвиняемого, стал «Юридический алгоритм осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних», где определено, как именно включаются примирительные процедуры в уголовное правосудие России.

Создание этого документа было вызвано тем, что:

1) нам нужно строить партнерство с правоохранительными органами и судом на официальном уровне;

2) необходимо иметь согласованные с правоохранительными органами и работающие ответы на практически значимые вопросы (о передаче информации, о порядке взаимодействий разных должностных лиц и т.п.);

3) необходимо иметь возможность методического оформления практики ведения программ примирения для ее распространения.

Отмечу, что данный алгоритм не исчерпывает всех возможностей включения примирительных процедур в уголовное правосудие, но все же задает существенную часть имеющихся возможностей, и, если вы намереваетесь применять примирение по уголовным делам, без изучения и использования этого алгоритма не обойтись.

Правовые основы примирения потерпевшего и обвиняемого по действующему законодательству.

Для инициирования программы примирения в уголовном правосудии необходимо разбираться в некоторых областях действующего законодательства. Изумление и слова: «Нет, это запрещено законом!» — такова типичная первая реакция большинства юристов-практиков на предложение о проведении примирительных процедур по уголовному делу. Посмотрим на законодательство³.

В принципе, юристы знают, что понятие примирения в УПК РСФСР и УК РФ известно и, в некоторых случаях, прекращение уголовного дела за примирением потерпевшего с обвиняемым возможно. Речь идет о ст. 9 УПК РСФСР, с которой связана ст.76 УК РФ, и о ст. 27 УПК РСФСР. О чем говорят эти статьи? Ст.9 УПК РСФСР, введенная в этот кодекс вместе с принятием нового УК РФ, предлагает норму, регламентирующую прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Прекращение уголовного дела возможно решением суда, прокурора, следователя с согласия прокурора по делам небольшой тяжести для лица, совершившего преступление впервые, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред. Под преступления небольшой тяжести, о которых идет речь в этой статье, подпадают все преступления, максимальное наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы (ст. 15 УК РФ). Это более четверти всех составов преступлений в УК РФ (147 из 515 составов). Следует отметить, что данная статья предполагает, что примирение и заглаживание причиненного преступлением вреда создают право именно для правоохранительных органов и суда на прекращение уголовного дела, но не для самих участников криминальной ситуации.

Этим ст. 9 УПК РСФСР и 76 УК РФ отличаются от ст. 27 УПК РСФСР, которая в своей первой части устанавливает частный порядок обвинения по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 115 (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116 (Побои), ч. 1, ст. 129 (Клевета) и 130 (Оскорбление) УК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР дела по этим четырем составам возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего, и подлежат прекращению в случае примирения его с обвиняемым. Здесь речь идет именно о праве потерпевшей стороны на возбуждение и прекращение уголовного дела в связи с примирением с обвиняемым.

Резюмируем эту информацию.

Во-первых, эти статьи закона определяют лишь *юридические последствия результата* примирения и ничего не говорят о регламентации его хода. Фактически процесс примирения трактуется законодателем как частное дело граждан и отдается на откуп людям, находящимся в конфликте.

³ В первую очередь необходимо изучить отраслевое законодательство — Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Уголовный кодекс РФ.

Во-вторых, оказывается, что статья 9 УПК РСФСР, где прямо задается возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, не распространяется на основную массу уголовных дел. Эта статья касается лишь дел небольшой тяжести. Все остальные категории дел (а в практике их большинство) — средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие — под эту статью не подпадают.

Третье важное обстоятельство — отраслевое законодательство не запрещает (и не должно запрещать) примирение сторон ни при каких условиях.

И, наконец, в-четвертых. Можно сказать, что сегодня юридическая точка зрения на примирение ограничивается определением процедуры, позволяющей установить конечный факт: есть примирение между конкретными потерпевшим и обвиняемым либо нет. Под примирением обвиняемого и потерпевшего для нужд уголовного правосудия (ст. 76 УК РФ) понимается оформление в надлежащей процессуальной форме отказа потерпевшего от своих первоначальных претензий и требований к лицу, совершившему преступление. Например, от просьбы к правоохранительным органам привлечь его к уголовной ответственности (если уголовное дело пока не возбуждено) или просьбу прекратить уголовное дело, возбужденное по его заявлению ранее. При этом для того, чтобы факт примирения порождал правовые последствия, необходимо, чтобы ему предшествовало заглаживание вреда, причиненного потерпевшему⁴. Это может означать: реальное возмещение в денежной либо иной форме причиненного имущественного ущерба, устранение своими силами материального вреда, возмещение морального вреда, а также предоставление достаточных гарантий возмещения вреда в оговоренный срок.

Для разработки алгоритма это имеет принципиальное значение — проводя процедуру примирения в рамках действующего законодательства **нужно искать правовые основания не для примирения, а для его юридических последствий**. Именно глубиной этих последствий будет определяться признание ценностей восстановительного правосудия формальным уголовным процессом. В частности, возникает вопрос о том, какие юридические последствия может получить примирение, проведенное по составам средней тяжести и по тяжким составам, т.е. не подпадающим под ст. 9 УПК РСФСР?

Одно из оснований «Юридического алгоритма осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних» как раз и состояло в том, что для *составов всех степеней тяжести* были найдены нормы УПК РСФСР и УК РФ, в соответствии с которыми примирение по этим делам получает юридическое значение. Сами разделы алгоритма поименованы в соответствии с этими нормами. Так, раздел I «**Юридическое значение процедур примирения для применения ст. 8, 9 УПК РСФСР**» рассчитан на использование примирения по делам небольшой (ст. 9 УПК РСФСР) и средней тяжести (ст. 8 УПК РСФСР). Раздел II этого алгоритма — «**Юридическое значение процедур примирения для возможности применения п. «к» ст. 61 УК РФ**» — распространяется на составы преступлений любой степени тяжести, в том числе тяжкие и особо тяжкие.

⁴ Так это определяется в комментарии к новому уголовному кодексу (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 211–213).

Второй раздел появился, поскольку выяснилось, что результат примирения может быть признан судом смягчающим обстоятельством при назначении наказания. В целом, перечень смягчающих обстоятельств содержится в ч. 1 ст. 61 УК РФ. В частности, п. «к» ч. 1 этой статьи («добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему») прямо может применяться для определения юридических последствий примирения. Таким образом, в соответствии с российским законом одним из правовых последствий примирения обвиняемого и потерпевшего, а по тяжким и особо тяжким делам — *единственным последствием* может стать смягчение наказания. Сведения о правовых основах примирения в уголовном правосудии удобно представить в виде таблицы (табл. 1). Серым цветом выделены правовые нормы, которые были учтены в предлагаемом юридическом алгоритме.

В таблице пока не содержатся многие практически существенные моменты, связанные с вопросами, на которые для ведения конкретных случаев нам следовало иметь согласованный с правоохранительными органами ответ. Мы сформулировали следующие вопросы, принципиально важные для урегулирования отношений между правоохранительными органами и нашей программой:

— На каком этапе уголовного процесса и в какой конкретно ситуации следует применять процедуру примирения?

— Как отбирать случаи на эту программу?

— Кто и как инициирует примирение? Какая информация из уголовного дела кому и как передается?

Прежде, чем перейти к ответу на эти вопросы, полезным будет также дать краткую информацию о составе случаев, по которым сотрудники Центра СПР проводили программы примирения потерпевшего и обвиняемого. За юридической терминологией о категориях преступлений скрываются обыденные сюжеты — конкретные поступки конкретных лиц, и именно они, а не юридическая квалификация, вошли в пространство работы ведущих программы. Наиболее часто правоохранительные органы передавали на программу примирения дела по грабежам (ст. 161 УК РФ) и кражам (ст. 158 УК РФ). Поскольку во всех этих случаях в качестве обвиняемых по делу проходили группы из двух-трех подростков (и это типично), последние обвинялись в совершении тяжких преступлений. Грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору, наказывается по действующему Уголовному кодексу от 3 до 7 лет лишения свободы. Кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору, наказывается либо штрафом (от 700 до 1000 МРОТ), либо лишением свободы на срок от 2 до 6 лет).

Примеры случаев, попадавших под статью о грабеже. Трое ребят от 13 до 17 лет отнимали деньги у тех, кто выглядел безобидным. Отец одного из ограбленных подал заявление в милицию. Так дело о грабеже на сумму 35 рублей (деньги были отняты у одиннадцатилетнего мальчика) попало на программу примирения. Или: двое подростков отобрали наушники от плеера у мальчика. Милиционер, который видел эту ситуацию (дело происходило в метро), задержал «грабителей». Так возникло еще одно уголовное дело. Были сюжеты о кражах: кража велосипеда, угон машины. Во всех случаях в качестве обвиняемых были мальчики-подростки старше 14 лет (возраст уголовной ответственности), которые участвовали в примирении вместе с кем-либо из родителей. В качестве потерпевших, участвовавших в программе, оказывались и малолетние (вместе с матерью и/или отцом), и несовершеннолетние, и взрослые (например, хозяин угнанного автомобиля). Был только один случай, в котором потерпевшая и обвиняемый были знакомы до события преступления, в остальных случаях участники криминальной ситуации знакомы не были и ничего друг о друге не знали.

Организация процедуры примирения на предварительном следствии.

В рамках настоящего комментария будем фокусироваться на той стадии уголовного процесса, на которую ориентирован публикуемый алгоритм, — предварительного следствия. В нашем Центре есть опыт включения процедур примирения потерпевшего и обвиняемого и на стадии судебного разбирательства, но эту тему имеет смысл разбирать отдельно.

Выбор предварительного следствия важен с точки зрения *временного фактора*. Действительно, если вы (как организатор программы) рассчитываете проводить примирение потерпевшего и обвиняемого с той целью, *чтобы факт примирения участников криминальной ситуации был признан и имел юридические последствия, влияющие на судьбу уголовного дела*, то неизбежно становится значимым фактор времени. Мы столкнулись с тем, что уголовные дела, с которыми чаще всего приходится работать, касаются обвинений в *тяжких* преступлениях. По этим случаям в соответствии с законом уголовное дело не может быть прекращено за примирением и будет обязательно рассматриваться в суде. Поэтому следует так организовать программу, чтобы ведущему и сторонам хватило времени для ее завершения до суда. Для достижения поставленной цели нужно стремиться представить в суд не просто намерение примириться (пусть даже письменно закрепленное), но факты, свидетельствующие о том, что

- 1) примирительный договор сторон составлен;
- 2) примирительный договор *выполнен* (есть подтверждающие документы);
- 3) потерпевший удовлетворен возмещением ущерба;
- 4) если была реабилитационная программа для правонарушителя, то она выполнена или выполняется (в случае, когда она требует продолжительного времени).

По закону на предварительное следствие отводится не более 2 месяцев, продление возможно только специальным разрешением прокурора. Ваши коллеги из милиции (следственного отдела) это прекрасно знают и, более того, обычно стремятся не тянуть два месяца, а как можно раньше подготовить обвинительное заключение и передать его прокурору для направления в суд.

Поэтому, чем раньше вы сможете начать, тем лучше. Что нужно для начала работы ведущего? Во-первых, информация из уголовного дела: кто и в чем обвиняется, кто потерпевший, фабула события, контактные данные (телефоны или адреса сторон). Во-вторых, нужно оценить, подходит ли случай для примирения (например, каково отношение обвиняемого к совершенному им поступку). Пока нет этих сведений, вы не можете начать программу примирения потерпевшего и обвиняемого. Такая информация есть у следствия или у сторон, которые имеют доступ к уголовному делу, но не у вас, поэтому *начало программы примирения зависит не только от вас*.

В инициировании примирения важную роль могут сыграть сами стороны, но практически нет организационного механизма для складывания ими самими для себя примирительных отношений. Контакты между сторонами часто отсутствуют, а посредничество адвоката (защитника обвиняемого) может трактоваться как давление на потерпевшего и приводит к жалобам в правоохранительные органы. Кроме того, по действующему УПК РСФСР обвиняемый и потерпевший не имеют права на разрешение своего дела примирением, соответственно нет и обязанности у правоохранительных органов содействовать в реализации подобного права.

В обсуждаемом алгоритме начало процедуры описано в параграфах «Инициирование примирения» разделов I и II. Для определенности приведем текст из раздела II алгоритма:

1. Инициирование примирения

1.1. Следователь в ходе предварительного следствия выясняет отношение обвиняемого к содеянному. Следователь дает разъяснение обвиняемому, а также его законному представителю и адвокату о том, что он может примириться с потерпевшим. Следователь разъясняет, что результаты примирения могут использоваться судом как обстоятельство для применения п. «к» ст. 61 УК РФ. В случае их согласия следователь уведомляет об этом ОППН.

1.2. После допроса потерпевшего, выяснения его позиции и отношения к совершенному против него правонарушению следователь разъясняет потерпевшему, что он может примириться с обвиняемым, а результаты примирения могут использоваться для применения п. «к» ст. 61 УК РФ. В случае его согласия следователь уведомляет об этом ОППН.

1.3. ОППН организует встречу представителя ОЦ⁵ с обвиняемыми, потерпевшими, их законными представителями и адвокатом обвиняемого...

Из приведенного фрагмента видно, что начало примирительных процедур определяется следователем и ОППН⁶, общественная организация (в данном случае ОЦ) появляется третьим номером. Причем следователь и ОЦ напрямую не взаимодействуют.

Почему процедура сконструирована именно таким образом, можно понять, если коснуться ряда тем. Во-первых, важно разобраться с интересами самих правоохранительных органов и суда, в особенности органов предварительного расследования. Речь идет как об интересах, связанных с участием в поддержке примирения, так и об интересах, связанных с выполнением своей непосредственной работы. Во-вторых, следует упомянуть и о так называемой «тайне следствия».

Мне известны три основных группы профессиональных интересов представителей правоохранительных органов и суда к программам примирения потерпевшего и несовершеннолетнего обвиняемого.

Интересы, связанные с освобождением уголовного процесса от мелких дел. Речь идет о том, что сейчас главенствует принцип единства процесса, а не его дифференциации. И мелкое дело и самое тяжкое должно разбираться по единым правилам и в равном объеме. В программе примирения профессионалы уголовного правосудия могут увидеть прообраз механизма, который позволит следователям и прокурорам освобождать процесс (и суд) от незначительных дел и позволит концентрировать усилия профессионалов на преступлениях, связанных с профессиональной преступностью, наркобизнесом и т.п.

Интересы, связанные с обеспечением потребностей потерпевших. Многие профессионалы уголовного правосудия понимают, что сегодняшний процесс концентрируется на обвиняемом и подсудимом, оставляя за бортом жертву и ее проблемы. Программа примирения рассматривается в этом случае как дополнение официального правосудия механизмом восстановления справедливости для потерпевшей стороны, сравнительно быстрого возмещения ущерба и т.п.

⁵ Имеется в виду Общественный центр «Судебно-правовая реформа».

⁶ ОППН — подразделение милиции «Орган профилактики преступности несовершеннолетних», бывшие «Детские комнаты милиции», «Инспекции по делам несовершеннолетних». Недавно эту структуру переименовали в «Отдел по делам несовершеннолетних» (ОДН).

Интересы к совершенствованию правоприменительной практики по делам несовершеннолетних. Сегодня суды при вынесении обвинительных приговоров по делам несовершеннолетних имеют две основные альтернативы: условное осуждение (составляет примерно три четверти наказаний) и реальное отбытие наказания (примерно четверть). В случае условного осуждения у судьи нет инструмента организовать социально-реабилитационную программу для несовершеннолетнего, изменить его социальное окружение и т.п. В программе примирения, которая обеспечивает неуголовную ответственность и программу реабилитации, такой судья может увидеть необходимое звено более последовательного обращения с несовершеннолетним лицом, совершившим преступление.

Указанные интересы могут побуждать отдельных работников правоохранительных органов к содействию в организации и проведении таких программ. Однако это ни в коей мере не отменяет их непосредственных профессиональных интересов, связанных с функцией следователя. В интересах следствия обеспечивать необходимое (для суда) качество расследования, что означает, что доказательственная база обвинения, которую создает следствие, должна быть безупречной. Примирение, если его проводить не вовремя, может создать угрозу развала дела. Следствию важно, чтобы позиция потерпевшего и сведения по существу дела, которыми он располагает, были однозначными и не менялись в ходе процесса. А программа примирения может (и по идее должна) сделать именно это — изменить позицию потерпевшего по вопросу о том, как можно решить его дело помимо уголовного наказания. Поэтому при обсуждении вопроса об инициировании примирительных процедур наши коллеги из следствия — несмотря на желание содействовать их проведению — считают приоритетным свой интерес к безупречной доказательственной базе. *Вначале* следователь проводит допрос потерпевшего и закрепляет его показания официально и *лишь потом* иницирует примирение.

То обстоятельство, что само инициирование, в соответствии с алгоритмом, происходит в такой форме, что следователь **сам разъясняет** потерпевшему (а до того обвиняемому) о возможности примирения и только после этого направляет информацию в ОППН для проведения последующих мероприятий, вызвано атмосферой подозрительности в милиции и недостатками законодательства. Ясно, что наилучшим образом объяснить суть предложения участвовать в примирении могли бы ведущие этих программ, но механизма их непосредственного подключения законодательство пока не предлагает. Следователи не пошли на то, чтобы в соответствии с ч. 1 ст. 139 УПК РСФСР⁷ передавать информацию, необходимую для начала примирения, непосредственно в наш Центр. В целом они были заинтересованы освободить себя от ответственности за будущие мероприятия по примирению, проводимые внешней относительно уголовного процесса общественной организацией. Для передачи в ОППН информации, необходимой для проведения примирения, был разработан специальный бланк Уведомления, приведенный в Приложении.

⁷ Ч. 1 ст. 139 УПК РСФСР гласит: «Данные предварительного следствия могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или прокурора и в том объеме, в каком они признают это возможным».

Таким образом, при данном алгоритме именно ОППН оказывается той «палочкой-выручалочкой», от которой зависит вся конструкция, — именно туда передается информация из уголовного дела, необходимая для проведения примирения, причем сами встречи уже организует ОППН, реализуя свои профилактические задачи. Профилактическая работа, выполняемая ОППН, касается только детей и подростков, поэтому для распространения программ примирения на взрослых обвиняемых необходимо найти поддержку со стороны другого подразделения МВД, решающего профилактические задачи в отношении взрослой преступности.

При таком механизме инициирования примирения время, в течение которого можно вести программу примирения, очень ограничено. Во всяком случае, довольно трудно успеть провести программу примирения до передачи дела в суд.

У такого механизма есть и другая сторона, связанная с отбором дел, направляемых на примирение. В параграфе 1 алгоритма сказано:

«1.1. Следователь в ходе предварительного следствия выясняет отношение обвиняемого к содеянному...».

Кажется, что так начинается отбор дела на примирение, но как он зависит от «отношения обвиняемого к содеянному», не ясно. Так кто решает, направлять дело на примирение или нет? При таком механизме получается, что следователь. Но если это так, нет ничего удивительного в том, что после согласования алгоритма вы частенько станете получать из милиции не запрос на примирение, а сожаление о том, что подходящих для примирения дел нет. Причем это может вам говорить следователь, доброжелательно относящийся к идее проведения программ примирения. Выход из этой ситуации может быть связан с только с четким определением критериев отбора дел на примирение. Формальные критерии могут быть, например, таковы:

- 1) в уголовном деле должен быть потерпевший;
- 2) к обвиняемому не применен арест;
- 3) обвиняемый признает свое участие в событии преступления;
- 4) дело не связано с убийством или изнасилованием.

Эти критерии необходимо оговорить, и они понятны. Вы можете ввести еще какие-то формальные ограничения сами. Но для правоохранительных органов важен и другой вопрос: признал или не признал вину обвиняемый. Кроме того, следователи — опытные люди, они знают, каков обвиняемый, насколько он криминально заражен, короче «отморозок» или нет. И они не захотят направлять на примирение «отморозков», не признающих свою вину. И в их отношении есть своя правда. Но в этом есть и клеймение, лишение человека шанса.

Поэтому к отказам следователей направлять дела на примирение нужно относиться осторожно. Принципы восстановительного правосудия предлагают меньше решать за людей, поэтому постарайтесь согласовать, что отбор дел на примирение должен ограничиваться ТОЛЬКО формальными критериями. Лучше пусть обвиняемый сам откажется от участия в программе, или ведущий поймет, что обвиняемый пока не готов к примирению, чем вопрос о пригодности дела к примирению попадет к следователю, который готов его решать исходя из своей интуиции.

Некоторые особенности ведения программы примирения потерпевшего и обвиняемого.

Наиболее существенные особенности ведения таких программ связаны с вовлеченностью участников в ход уголовного дела и доминированием в их сознании вполне определенных связанных с этим интересов, а также с участием в процессе адвокатов

(защитников), конструирующих стратегию защиты и втягивающих в нее своих клиентов.

Если обеспокоенность родственников обвиняемого подростка результатом уголовного дела очевидна, то гораздо менее очевидна (но на практике нередко встречается) обеспокоенность за судьбу правонарушителя, исходящая от потерпевшей стороны. В основном, эти чувства оказываются помехой ясного восприятия того, каковы собственные задачи примирительной встречи и программы и на какие иные проблемы помимо страха наказания эта программа отвечает. Именно из-за этих «помех» в программах примирения потерпевшего и обвиняемого важно уделить особое внимание мотивации сторон. Страх наказания и слепое желание его избежать с одной стороны и жалость к подсудимому с другой — это естественные реакции на ситуацию уголовного преследования, но они не должны подменять мотивы, более соответствующие программе примирения. Актуализация этих мотивов должна стать предметом предварительной встречи. Например, у родителей, которые готовы платить адвокату, чтобы тот помог их сыну избежать наказания, можно формировать и другую мотивацию, указав на то, что если их «чадо» не пройдет через ситуацию принятия собственной ответственности, то единственный урок, который у него останется после суда, — что папа его выручил и выручит впредь. Ну а если так, то он (папа) должен быть готов к тому, что правонарушение повторится, и начать копить на этот случай деньги.

Ведущему необходимо четко понимать, каково место программы примирения в уголовном процессе и каковы юридические последствия ее проведения. По делам о тяжких преступлениях ведущий ни в коем случае не должен гарантировать или обещать смягчение приговора. Он может строить свою позицию на трех моментах:

1) вопрос о смягчении наказания — только в компетенции суда, который независим;

2) суд в курсе того, что в районе (городе) используется программа примирения, он не отмахнется от примирительного договора и других документов и будет разбираться в том, что же реально произошло;

3) если суд установит (возможно, расспросив в зале суда обе стороны о том, чем для них была примирительная встреча), что примирение между сторонами достигнуто, ущерб возмещен (полностью либо частично), то он может учесть примирение как обстоятельство, смягчающее наказание.

Теперь относительно влияния адвокатов и стратегий, в которые они вовлекают своих клиентов. Яркий пример такого рода ситуации был по одному случаю, который касался угона велосипеда иностранного производства. После угона велосипед был испорчен, потерял товарный вид и нуждался в починке. Обвинение квалифицировано следователями как грабеж (!), а не кража, причем по ч. 2 п. «д» (ст. 161 УК РФ), т.е. «с причинением значительного ущерба». Адвокат обвиняемого подростка разработала стратегию — «обработать» потерпевшую сторону, изменить ее позицию по поводу масштаба ущерба, добиться переквалификации обвинения на более мягкое (может быть, даже на кражу — ч. 1 ст. 158 УК РФ), и тогда подсудимый, признавший себя виновным, будет амнистирован. Ведущие вступили в работу с этим случаем, когда планы защитника уже вступили в действие, т.е. фактически на фоне торга, который по телефону пыталась вести адвокат с мамой потерпевшего подростка. Эти планы настолько увлекли маму обвиняемого, что она отнеслась к примирительной встрече исключительно как к мероприятию формальному — нужному для реализации принятой ею стратегии спасения сына. Что же касается потерпевшей стороны, то мама пострадавшего мальчика была обижена тем, что с ней спорят о сумме ущерба (!), и отказалась участвовать в торгах и любых других переговорах с обвиняемым и его законными представителями. В результате — ни возмещения ущерба, ни примирения.

Сегодня в Центре СПР начат проект, направленный на работу с Московской городской коллегией адвокатов и, надеюсь, в дальнейшем мы сможем осуществлять программы примирения в уголовном правосудии в сотрудничестве с адвокатами.

М.Г. Флямер

ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕДУР ПРИМИРЕНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Алгоритм утвержден на совместном совещании работников Управления по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам, Управления по делам несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры РФ и представителей Межрегионального общественного центра «Судебно-правовая реформа» 7 апреля 1999 г.⁸

Подготовка условий проведения процедур примирения.

Межрегиональный Общественный центр «Судебно-правовая реформа» (далее — ОЦ) уведомляет зам. начальника следственного отдела РУВД по делам несовершеннолетних, отделение профилактики преступности несовершеннолетних ГУВД (далее — ОППН) об инициативе в проведении программ примирения между обвиняемым и потерпевшим. ОЦ предоставляет ОППН список лиц, подготовленных для проведения этих программ, свои регистрационные документы и устав.

Приняв решение о проведении программ примирения в районе, ОППН ходатайствует перед судом и районной прокуратурой о содействии в проведении этих программ. Вместе с ходатайством ОППН направляет в районные суд и прокуратуру список лиц, подготовленных для проведения программ примирения, регистрационные документы и устав ОЦ.

Раздел I.

Юридическое значение процедур примирения для применения ст. 8, 9 УПК РСФСР

1. Инициирование примирения

1.1. **Следователь**, собрав полностью доказательства вины лица, привлекаемого к уголовной ответственности, выясняет его позицию и отношение к содеянному. Следователь дает разъяснение его законному представителю и адвокату, что данное лицо может примириться с потерпевшим. Следователь разъясняет, что результаты примирения могут использоваться следствием как обстоятельство прекращения дела в соответствии со ст. 8 или 9 УПК РСФСР. В случае согласия лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и его законного представителя на примирение следователь уведомляет об этом ОППН.

1.2. После допроса потерпевшего, выяснения его позиции и отношения к совершенному против него правонарушению следователь разъясняет потерпевшему, что он может примириться с обвиняемым, а результаты примирения могут использоваться для прекращения дела по ст. 8 или 9 УПК РСФСР. В случае его согласия следователь уведомляет об этом ОППН.

⁸ После утверждения алгоритм был подписан председателем районного суда, начальником РУВД, районным прокурором и начальником следственного отдела РУВД, что сделало его официальной основой работы в районе.

1.3. ОППН организует встречу представителей ОЦ с обвиняемым, потерпевшими, их законными представителями и адвокатом обвиняемого. В ОППН **представители ОЦ** разъясняют цель, процедуры и юридическое значение примирения. В случае согласия на примирение законные представители обвиняемого и потерпевшего направляют в ОЦ письменные заявления, в которых содержится просьба провести примирительные встречи с помощью представителя ОЦ. Далее представители ОЦ согласовывают с ними место и время проведения примирительных встреч.

2. Ход примирения

Представитель ОЦ проводит примирительные встречи между несовершеннолетним обвиняемым и потерпевшим (включая при необходимости и их законных представителей). В случае, если стороны не пришли к соглашению, представитель ОЦ направляет в ОППН уведомление о невозможности достижения соглашения. Причина невозможности достичь соглашения разъясняется в уведомлении.

В случае достижения соглашения оно закрепляется в примирительном договоре, где фиксируются:

- моральные результаты примирительной встречи (действия, подтверждающие раскаяние со стороны обвиняемого, — понимание последствий совершенного правонарушения и извинение),
- условия достижения примирения (действия, направленные на возмещение ущерба, причиненного преступлением),
- действия, направленные на прохождение несовершеннолетним правонарушителем той или иной социально-реабилитационной программы (если участники встречи сочтут это необходимым).

3. Приобщение документов

По ходатайству потерпевшего или его законного представителя примирительный договор и документы, подтверждающие выполнение его условий, приобщаются следователем к материалам дела. Копии примирительного договора и документов, подтверждающих выполнение его условий, направляются в ОППН.

4. Прекращение уголовного дела.

4.1. Получив примирительный договор с документами, подтверждающими выполнение его условий, следователь вправе допросить потерпевшего и обвиняемого для выяснения результатов примирительных встреч.

4.2. Изучив примирительный договор с документами, подтверждающими выполнение его условий, **следователь с согласия прокурора** в случае совершения обвиняемым преступления впервые небольшой тяжести вправе прекратить дело по ст. 9 УПК РСФСР, а в случае совершения обвиняемым впервые преступления средней тяжести вправе прекратить дело по ст. 8 УПК РСФСР с направлением материалов дела в суд.

4.3. В необходимых случаях, когда выполнение условий примирительного договора требует времени, а дело прекращено по ст. 8 УПК РСФСР, ОППН уведомляет об этом суд.

Раздел II.

Юридическое значение процедур примирения для возможности применения п. «к» ст. 61 УК РФ .

Проведение примирения и приобщение документов на стадии предварительного расследования

1. Инициирование примирения

1.1. **Следователь** в ходе предварительного следствия выясняет отношение обвиняемого к содеянному. Следователь дает разъяснение обвиняемому, а также его законному представителю и адвокату о том, что он может примириться с потерпевшим. Следователь разъясняет, что результаты примирения могут использоваться судом как обстоятельство для применения п. «к» ст. 61 УК РФ. В случае их согласия следователь уведомляет об этом ОППН.

1.2. После допроса потерпевшего, выяснения его позиции и отношения к совершенному против него правонарушению следователь разъясняет потерпевшему, что он может примириться с обвиняемым, а результаты примирения могут использоваться для применения п. «к» ст. 61 УК РФ. В случае его согласия следователь уведомляет об этом ОППН.

1.3. ОППН организует встречу представителя ОЦ с обвиняемыми, потерпевшими, их законными представителями и адвокатом обвиняемого. В ОППН представители ОЦ разъясняют цель, процедуры и юридическое значение примирения. В случае согласия на примирение законные представители обвиняемого и потерпевшего направляют письменные заявления в ОЦ, в которых содержится просьба провести примирительные встречи с помощью представителя ОЦ. Далее представители ОЦ согласовывают с ними место и время проведения примирительных встреч.

2. Ход примирения (см. п. 2 раздела I)

3. Приобщение документов

3.1. По ходатайству потерпевшего или его законного представителя примирительный договор и документы, подтверждающие выполнение его условий, приобщаются следователем к материалам дела. Получив примирительный договор с документами, подтверждающими выполнение его условий, следователь вправе допросить потерпевшего и обвиняемого для выяснения результатов примирительных встреч. Копии примирительного договора и документов, подтверждающих выполнение его условий, направляются в ОППН.

3.2. Судья при вынесении приговора вправе использовать примирительный договор и документы, подтверждающие выполнение его условий, для применения п. «к» ст. 61 УК РФ.

3.3. Копии примирительного договора и документов, подтверждающих выполнение его условий, направляются в ОППН.

Проведение процедур примирения со стадии поступления обвинительного заключения прокурору и приобщении документов в судебном заседании

1. Инициирование примирения

1.1. При поступлении дела от следователя прокурор может прийти к выводу, что в данном случае процедура примирения может быть использована в качестве профилактической меры, способствующей устранению в дальнейшем условий совершения преступления (в соответствии с п. 10 ст. 213 УПК РСФСР).

1.2. Прокурор вправе уведомить ОЦ о возможности осуществления процедур примирения для использования их результатов в суде в соответствии с п. «к» ст. 61 УК РФ.

1.3. ОППН организует встречу представителя ОЦ с подсудимым, потерпевшим, их законными представителями и адвокатом подсудимого. В ОППН **представители ОЦ** разъясняют цель, процедуры и юридическое значение примирения. В случае согласия на примирение законные представители подсудимого и потерпевшего направляют письменные заявления в ОЦ, в которых содержится просьба провести примирительные встречи с помощью представителя ОЦ. Далее представители ОЦ согласовывают с ними место и время проведения примирительных встреч.

2. Ход примирения (см. п. 2 раздела I).

3. Приобщение документов

3.1. Потерпевший или его законный представитель заявляет ходатайство о приобщении к делу примирительного договора и документов, подтверждающих выполнение его условий. Судья вправе приобщить их в судебном заседании к материалам дела.

3.2. Судья при вынесении приговора вправе использовать примирительный договор и документы, подтверждающие выполнение его условий, для применения п. «к» ст. 61 УК РФ.

3.3. Копии примирительного договора и документов, подтверждающих выполнение его условий, направляются в ОППН.

УВЕДОМЛЕНИЕ

Настоящим уведомляю Вас, что в производстве следственного отдела находится (-лось) уголовное дело № _____ по обвинению несовершеннолетнего (-ней) _____ в совершении преступления, предусмотренного п. __ ч. __ ст. _____ УК РФ.

Проведенным по делу расследованием установлено:

(ФАБУЛА ОБВИНЕНИЯ)

Постановлением от _____ г. в отношении подростка (-ков) избрана мера пресечения: подписка о невыезде с места жительства.

Характеристика личности подростка (-ков):

- на учете в ПНД не состоит;
- на учете г. НД не состоит;
- положительно характеризуется по месту жительства;
- положительно характеризуется по месту учебы.

В качестве потерпевших по уголовному делу проходят:

— _____ потерпевший, _____ проживающий _____;
_____;

— _____ законный _____ представитель _____ потерпевшего _____, проживающий _____ (тел. дом. _____);

Обвиняемый _____, проживающий _____;

Законный _____ представитель _____ обвиняемого _____, проживающий _____ (тел. дом. _____);

В связи с изложенным полагал бы рассмотреть вопрос о возможности осуществления процедуры примирения с привлечением сотрудников Общественного Центра «Су-

дебно-правовая реформа» на основании утвержденного алгоритма (тел. для связи _____).

Следователь СО 5 РУВД Центрального Адм. Округа г. Москвы
ВЫ

АВТОРЫ НОМЕРА

ХОВАРД ЗЕР — профессор социологии и восстановительного правосудия Программы разрешения конфликтов Восточного Меннонитского Университета. Всемирно известный лидер движения восстановительной юстиции, автор многочисленных статей, пособий, учебников. Его книга «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» издана на русском языке Общественным центром «Судебно-правовая реформа» в 1998 г.

МИХАИЛ ФЛЯМЕР — исполнительный директор Общественного центра «Судебно-правовая реформа», разработчик программ восстановительного правосудия для России и ведущий в этих программах, руководитель издательских проектов Центра. Автор более десятка статей, посвященных концепции и практике восстановительной и ювенальной юстиции.

РУСТЕМ МАКСУДОВ — руководитель направления деятельности Общественного центра «Судебно-правовая реформа», посвященного программам восстановительного правосудия, ведущий программ, тренер по подготовке ведущих. Автор более десятка статей, посвященных концепции и практике восстановительного правосудия и ювенальной юстиции.

ТАТЬЯНА ДУГАРСКАЯ — сотрудник Общественного центра «Судебно-правовая реформа», кандидат юридических наук, тема работы — правовое регулирование решения проблемы домашнего насилия. Руководитель проекта «Технологии восстановительного правосудия в профилактике социального сиротства».

АННА ГРАСЕНКОВА — сотрудник Общественного центра «Судебно-правовая реформа». Социальный работник и ведущий программ восстановительного правосудия в проектах Центра. Автор статей и аналитических материалов, посвященных ведению программ

примирения жертвы и правонарушителя, социальной работе с подростками «группы риска».